

Виктор Богданов

**Мальчик
со старой
фотографии**

Виктор Богданов

Мальчик со старой фотографии

«Издательские решения»

Богданов В. В.

Мальчик со старой фотографии / В. В. Богданов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834509-8

В наше время часто можно услышать о пришельцах из будущего, инопланетянах и НЛО. А если вдруг встретиться с представителем прошлого века, да еще таким же мальчишкой, как ты? Сначала старая фотография, потом встреча с незнакомцем у костра, и потянулась ниточка нового приключения. Чем оно закончится для Женьки, его друзей и подружившегося с ними мальчика из прошлого века? Об этом рассказывает третья повесть о Жене Метелкине и его друзьях.

ISBN 978-5-44-834509-8

© Богданов В. В.
© Издательские решения

Содержание

1. Трудно быть сестрой	6
2. Когда-то давно в городе	15
3. Совпадения	20
4. Мальчишка на старой фотографии	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Мальчик со старой фотографии

Виктор Богданов

© Виктор Богданов, 2016

© Наталья Югина, дизайн обложки, 2016

© Наталья Югина, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-4509-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Трудно быть сестрой

– Владька! А ну иди сюда! – голос Светы не предвещал ничего хорошего.

Только что выбежавший вместе с приятелем из дверей на залитый осенним солнцем школьный двор мальчишка испуганно оглянулся, выискивая глазами источник угрозы. На скамье под почти сбросившей листья рябиной сидели Света и Женька. Они явно ждали его, причем лицо девочки было сердитым. Бросив взгляд на Женьку, в отличие от своей подружки еле сдерживавшего улыбку, мальчишка попытался оттянуть неизбежную взбучку.

– А... зачем?

– Иди, иди. Сейчас узнаешь!

– А чё?! Я ничего...

Вообще-то, он прекрасно знал за что ему предстоит нагоняй. Вот только непонятно было, как Света и Женя узнают о всех его проделках почти сразу? Не просто в этот день, а именно сразу! Как он ни пытался выяснить этот секрет, ничего у него не получалось. Женя всегда отшучивался а Света за излишнее любопытство пообещала наколдовать ему длинный, как у Буратино, нос. Хоть Владик и понимал, что эта угроза была всего лишь шуткой, но всё же Свету он побаивался.

Подтянув повыше чуть сползшие красные носки, он осторожно, бочком, стал приближаться к скамейке, всем своим видом показывая, что готов в любой момент дать дёру. Женька при его приближении только хмыкнул и отвернулся, делая вид, что не намерен вмешиваться в их разборки.

– Ну? – Владик остановился в трех шагах от сердитой Светы.

– Он ещё спрашивает! – возмутилась девочка. – Ты, оболтус, чего на уроке музыки вытворял?

– Чего?

– Это я тебе должна объяснять ЧЕГО? Нет, это ты расскажи нам, почему Розу Васильевну до истерики довел!

Предчувствие не обмануло Владика: Свете всё было известно, хотя урок музыки у них был всего час назад.

– Не было у неё никакой истерики, – нерешительно начал он, переминаясь с ноги на ногу. – Просто... урок не удался... она сама так сказала...

– Значит, урок не удался? А почему он не удался, ты случайно не знаешь?

– Понятия не имею...

– Вот даже как? Понятия не имеешь? – девочка так нахмурилась, что брови у неё сошлись на переносице. – И ты, конечно же, к этому не имеешь никакого отношения?

– Если только самую капельку... – пожал плечами Владик.

Он лукавил. К тому, что произошло на уроке, он имел самое непосредственное отношение от начала и до конца. Только об этом не знал никто, кроме его подружки Насти, которая знала о возможностях Владика, но она ни за что на свете не рассказала бы никому. Все остальные ребята в классе даже не подозревали, что в том, что «урок не удался», виноват именно он. Сам Владик считал, что ничего особенного не произошло. Сегодня они должны были петь песню, которая совершенно никому не нравилась. Сказать, что Владик не любит

уроки музыки – значит сказать неправду. Наоборот, он любит петь. Но только петь то, что ему нравится, а не всякую доисторическую дребедень типа «ай люли, ай люли...», от которой даже настроение падает. Что это за урок музыки, если после него все ходят, словно по двойке схлопотали, да ещё и не по одной? Вот он и решил помочь всему классу.

В общем-то, ничего особенного он и не делал. Когда после короткой «распевки» все выстроились у рояля и «Розочка» объявила какую песню они будут сегодня «отрабатывать», по музыкальному классу прошелестел горестный вздох разочарования. Лица многих одноклассников сразу стали скучными, но учительница не обратила на это никакого внимания. Она велела всем приготовиться и начала играть вступление. В конце вступления она подняла голову к классу и готова была уже кивнуть – своеобразная команда для начала песни – как неожиданно рояль издал звук, которого в нотах совершенно не было. Очень низкая нота «до» совсем не вписывалась в мелодию. От неожиданности учительница отпрянула от рояля и с изумлением уставилась на клавиши. Ничего не понявший класс, в свою очередь, уставился на учителя прервавшего игру.

Оправившись от неожиданности, Роза Васильевна осторожно пробежалась несколько раз по клавишам – все было нормально. Успокоившись, она снова начала играть вступление. Снова, как и в первый раз, в конце вступления в мелодию ворвалась посторонняя нота – на этот раз очень высокая, заставившая учителя почти подпрыгнуть на месте. Лицо её покрылось красными пятнами. Она с подозрением посмотрела на учеников, но те сами ничего не понимали, начали перешептываться между собой и, вытягивая шеи, старались рассмотреть, что там происходит с клавишами. Роза Васильевна встала, обошла вокруг рояля, осторожно носком туфли попинала его резную ножку, словно шофер колесо своей автомашины. Среди учеников прошелестел едва слышный смешок. Она ещё раз подозрительно оглядела третий класс, но ученики просто не могли физически нажать на ненужную клавишу – стояли слишком далеко и к тому же с противоположной стороны. В это время за спиной учителя с громким стуком упала крышка, закрыв клавиши и заставив её лицо покрыться на этот раз не красными, а белыми пятнами.

– Что происходит? – с паническими нотками в голосе обратилась она к классу. – Кто хулиганит? Немедленно прекратить!

Она на всякий случай пересчитала учеников – все стояли в строю, никто не отсутствовал. Претензии к классу были необоснованными. Осторожно вернувшись на свое место, подняла крышку и коснулась клавиш – все было нормально. Покачав головой, Роза Васильевна объявила, что начнем все сначала. Но только она заиграла вступление песни, как снова несколько посторонних нот прервали мелодию, заставив учителя встать и с изумлением уставиться на клавиши. Тут на её глазах несколько клавиш самостоятельно «нажались», словно кто-то невидимый пробежался по ним. Это было уже слишком даже для школьных проказников – такого просто не могло быть! Учительница осторожно потрогала свой лоб и с опаской отошла на несколько шагов от своенравного инструмента. В этот момент крышка снова со стуком закрыла клавиши.

– Ребята, – обратилась Роза Васильевна к ученикам, – Вы ничего не делали с инструментом?

– Нас же здесь не было, – ответил кто-то.

– И то правда, – покачала головой «Розочка». – Здесь что-то другое. Наверное, инструмент сломался. Получается, что урок у нас не удался. Вы посидите здесь до звонка тихонько, а я схожу в учительскую. Кажется, я немножко заболела...

Из всех присутствующих только Настя поняла, что это проделки Владика. Когда он, воспользовавшись своими новыми возможностями, во второй раз на расстоянии нажал клавишу, остановив вступление песни, она предупреждающе дернула его за короткую штанину и молча покачала головой, но в глазах её плясали веселые искорки поэтому Владик не остано-

вился и продолжил свою, по выражению Светы, «анархическую деятельность». Что означает это выражение, Владик ещё не знал.

До конца урока Роза Васильевна так и не вернулась.

– Так значит только капельку? – повторила Света, – Анархист несчастный!

– Самую малость, – кивнул Владик. – И не было у неё никакой истерики.

– Это в классе не было, а в учительской она все успокоительные таблетки выпила. Хотели даже скорую вызывать!

– А я здесь причем?

– Нет ты только погляди на него! – возмущенная Света обратилась к Женьке. – Он считает, что в том, что учитель чуть не попала в больницу из-за его проделок, он совершенно не виноват!

Едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, Женька повернул лицо к Владиду и, как мог серьезно, произнес:

– Конечно, срывать уроки с помощью наших возможностей не дело, но...

– Вот именно! Что скажет Филарет, если узнает? Кошмар!

– ... но всё ведь, нормально закончилось, – продолжил Женька. – Никто ничего не понял и... в больницу не попал. Мальчик все осознал и больше не будет.

– Я больше не буду... – с готовностью кивнул Владик.

– Да ну вас! – разозлилась Света. – Ты всегда выгораживаешь его. За что только вы все свалились на мою голову!? Что я теперь, вечно должна с вами нервы портить?

– Ты... это... не нервничай так... – поняв, что основная гроза миновала, хитро сказал Владик. – Сама же сказала, что все таблетки кончились...

Женька чуть не подавился смехом, так потешно выглядела Света после Владькиных слов, хватая воздух ртом от возмущения и не в силах ответить на его нахальные слова.

– Вот тресну сейчас обоим по башке, – наконец нашлась она хватаясь за ручку своего нового красивого портфеля. – Ну почему вы оба такие свиньи?

– Мы не свиньи! – отскакивая на всякий случай подальше, заявил Владик. – Мы просто нормальные мальчишки! Мальчишкам полагается шалить... иногда.

– Мне кажется, что это «иногда» у вас каждый день, – мстительно сказала Света.

– Не-а, не каждый! Может, раз в неделю.

– Если ты раз в неделю что-то выкинешь, он раз в неделю, затем ещё Березкин и Савушкины – то и получается, что каждый день по разу. Надоело мне уже всем вам нотации читать чуть ли не каждый день.

– А ты не читай.

– Тогда вы вместе всю школу на уши поставите!

– Да ладно тебе преувеличивать-то! – сказал Женька. – Мы все вместе за месяц учебы всего и сотворили-то каких-то три или четыре шутки безвредные... почти...

– А вы бы хотели сотворить вредные! Чего стоило только твое эффектное появление на уроке математики на прошлой неделе! Твое счастье, что Ириада Ивановна сослепу ничего не поняла, не то такой скандал был бы!

– Так не поняла же!

– А остальные? Ты что, хочешь чтобы наша тайна сделалась всеобщим достоянием? Итак в результате этого случая должен теперь один из всей школы по своей дурости в шортах ходить, а ведь уже не лето, а середина октября!

– И не один вовсе. Вон Владик тоже так ходит.

– Два сапога – пара, один другого стоите.

Женька смутился. Теперь уже Владик еле сдерживался от смеха – он прекрасно знал о чем идет речь.

В этом году их класс учился во вторую смену. На прошлой неделе Женька заигрался с ребятами во дворе и чуть не опоздал в школу. Если говорить честно, то опоздал. Когда он прибежал со двора домой и посмотрел на часы, звонок на урок прозвенел две минуты назад. Первым уроком была математика и «колобок в очках» заранее всех предупредила, что будет проверочная контрольная работа. Если он прибежит в класс на середине урока, то, зная подозрительность Ириады, та решит, что он опоздал специально чтобы не писать контрольную и обязательно вкатит ему двойку и замечание в дневник. К контрольной Женька был готов и совершенно её не боялся. Но до школы было далеко и если даже всю дорогу бежать, то появится в классе он только к концу урока. Решение созрело моментально: он схватил свой ранец и... воспользовался легкоступом, переместившись прямо из квартиры на свое место в классе, благо, что как успевающий по математике он сидел за последним столом. Впереди сидели двоечники и слабоуспевающие ребята. А Света в этом году специально села с ним за одну парту. Перемещение прошло как никогда успешно, он оказался как раз на своем месте, ошеломяв только Свету и озадачив пару одноклассников за соседним столом. И вовремя появился. Ириада Ивановна была всего в трех шагах от их стола и раздавала помеченные своей подписью листочки для контрольной. Еще минута и было бы поздно. Она озадаченно посмотрела на Женьку сквозь свои толстые очки (мгновением назад место пустовало) но молча положила перед ним листок бумаги.

– Ты меня в гроб вгонишь! – прошипела Светка, когда учитель удалилась к доске. – Ты что вытворяешь?

– Извини, пришлось... опаздывал я...

Весь урок она не сказала Женьке больше ни одного слова, а на перемене демонстративно удалилась к другим девочкам.

Когда Женька сдавал готовую контрольную учителю, Ириада Ивановна прищурилась на него сквозь свои очки и заметила:

– Вообще-то, Метелкин, хоть школьную форму и отменили, но раньше вы являлись на уроки в более подобающем виде.

В спешке Женька не додумался переодеться и появился в школе в том, в чем играл с ребятами во дворе – обтрепанных джинсовых шортах и сером свитере с заплаткой на правом локте.

– Извините, заигрался и не успел переодеться, – честно ответил он.

– Ну – ну, а мне показалось, что сразу после звонка тебя не было на своем месте?

– Я... ручку под стол уронил, – соврал Женька. – Пока нашел...

– Тогда понятно, почему я сразу тебя не заметила. И всё же, хоть я считаю, что твой сегодняшний вид вполне нормальный для мальчика, все же он больше подходит для двора, а не для школы. Понимаешь?

– Понимаю. Я спешил просто, вот и не успел...

– В следующий раз успевай все вовремя.

– Я постараюсь, – пообещал Женька, выходя из класса.

Не обращая внимания на шуточки по поводу своего внешнего вида со стороны некоторых ехидных личностей типа Верки Самчуковой, он весь день вел себя как ни в чем не бывало. Светка дулась на него и он чувствовал, что очередного «воспитательного воздействия» на себя с её стороны сегодня не избежать. Только разговор этот откладывался до конца уроков. Ожидание всегда действует угнетающе, поэтому внутри себя Женька злился. Нет, не на Свету, а на самого себя за то, что так по-дурацки всё сделал.

На большой перемене, заговорщически переглядываясь между собой, к нему подошли Верка Самчукова с двумя подружками. Ничего хорошего от этой злобредной ехидны Женька не ждал и решил сохранять невозмутимость в любом случае, какие бы пакости та ни придумала.

– Привет, Метелкин, – издали начала Верка. – У тебя клевый прикид – как у современного Гавроша.

– У кого, у кого? – не понял Женька.

– Ты что, не читал «Отверженных» Виктора Гюго? – округлила глаза Верка. – Там у него мальчишка Гаврош один из главных героев. Вот на него ты и похож.

Женька не читал про Гавроша. Не понимая куда клонит Верка, он насторожился:

– И что из этого?

– Да ничего. Я по телеку видела, что сейчас на западе мода такая – в старых вещах везде ходить. Последний писк.

– Я за модой не слежу, – проворчал Женька. – Просто спешил и забыл переодеться.

– А я подумала, что ты тоже ту передачу видел и тебе понравилось, потому так и нарядился, – Верка незаметно подмигнула своим подружкам.

– Ничего я не видел и специально не наряжался. Я так во дворе гуляю. И вообще, шли бы вы отсюда.

Он резко встал и отпихнул ногой стул.

– Чего злишься-то? Мы же не смеемся, а наоборот. Мы подумали, что наконец-то появился мальчишка, который легко наплевал на все школьные условности. Кстати, дырка на твоих исторических гольфах придает ещё больше шарма твоему наряду.

Видимо, отпихивая ногой стул, он зацепился за что-то и на правой ноге появилась приличная дырка.

– Если бы вы не приставали, ничего бы не порвал, – огрызнулся Женька разглядывая появившуюся на коричневых гольфах дырку.

– Попадет теперь, наверное, дома, – посочувствовала Верка.

– Вот ещё! Подумаешь!

– Жалко, – вздохнула Верка.

– Чего тебе жалко? Что дырку сделал или что не попадет за это?

– Что это случайно ты так пришел, я-то подумала, что ты специально в стиле Гавроша появился...

– Если бы я захотел специально, то подобрал бы вещи приличнее этих. Что у меня, потвоему, нормальных шорт нету что ли?

– Ладно, Вер, пойдем отсюда, – сказала одна из сопровождавших Самчукову подружек. – Ясно же, что он случайно появился в таком виде.

Кажется, эта подружка Верки не понимала, почему они теряют тут время.

– Да, наверное, это действительно так, – сокрушенно вздохнула Верка. – А я то думала, что Метелкин необычный мальчик, особенно после летнего похода. Жалко, что ошибалась.

Женька усмехнулся про себя, подумав, что та сказала бы, узнай она про их приключения с оборотнем Тихоном или про то, каким необычным способом он добрался сегодня до школы.

– Как видишь, – натянуто улыбнулся он. – Я просто обыкновенный мальчишка, который даже забыл переодеться в школу, а никакой не Гаврош. Извини, что не оправдал твоих ожиданий. И уж если бы захотел нарочно прийти в школу в коротких штанах, например, или ещё как, то выбрал бы не эти вещи.

– Хвастаешь! Ни один мальчишка не заявится в школу в октябре в шортах – не май месяц. Вы же все мерзляки, боитесь простудиться.

– Вот ещё! Да я до самых осенних каникул так гуляю.

– Снова врешь.

– Ни капельки. Сама говоришь, что я на Гавроша в таком наряде похож.

– Ну, гуляешь ты, может и в самом деле так. Или дома ходишь всю зиму. А вот в школу в октябре в шортах любому мальчишке слабо появиться.

– Да запросто! – в запальчивости вырвалось у Женьки. – Могу до самых каникул так ходить.

– Не сможешь!

– Смогу!

– Не сможешь!

– Смогу!

– Спорим, что не сможешь?

– На что?

– Если проиграешь, ты всех нас троих ведешь в новую кондитерскую за свой счет и целый день катаешь на аттракционах в городском парке.

– Согласен! А если выиграю, ты до конца года будешь давать мне списывать домашние задания когда я потребую.

– Хорошо! Девочки, вы свидетели! – лицо Верки расплылось в ехидной улыбке. – С завтрашнего дня Женечка ходит в школу до конца четверти только в коротких штанишках. Вот умора-то будет!

Только теперь до Женьки дошло всё коварство плана Самчуковой, которая, хихикая, убежала в сопровождении подружек из класса и конечно тут же растрезвонила новость по всей школе. За что Женька получил двойную нахлобучку после уроков от Светы.

Однако вечером на совете всей их команды было решено, что Женька должен сдерживать слово. Как настаивала Света, это будет хорошим уроком на будущее для всех без исключения: не будут впредь давать необдуманных обещаний и вообще, возможно, отучатся вступать в споры. Что ж, так тому и быть. Благо погода стояла пока не холодная.

На следующий день Света заявила перед школой к нему домой и приняла деятельное участие в снаряжении своего непутевого названного брата в школу. В результате в школе он появился словно сошедший с экрана заграничного фильма ученик престижной английской школы – в коротких отглаженных черных брючках, белой водолазке и таких же ослепительно белых гольфах, начищенных до глянцевого блеска ботинках и джинсовой куртке. Когда он шел по школьному коридору, все молча провожали его глазами пока он не скрылся за дверью своего класса. Верка с подружками с нетерпением ждали его появления, надеясь или посмеяться, или что-нибудь съехидничать. Он остановился в дверном проеме и изысканно вежливо поздоровался со всеми. В мгновенно наступившей тишине понял, какой оглушительный эффект произвело его появление в классе. Ликуя в душе, что утер нос не ожидавшей такого поворота Верке, он не спеша, под всеобщим вниманием прошел на свое место и стал готовиться к уроку.

– Посмотрим, как он появится, когда похолодает, – донесся до него досадный шепот Самчуковой.

Учителя в этот день, словно сговорившись, вызывали его к доске на каждом уроке. Как сказал потом Петька Савушкин, наверное им всем хотелось посмотреть на примерного мальчика вблизи и вспомнить те года, когда ученики ходили в школу в пионерской форме. А в Женькином наряде только пионерского галстука и не хватало. В итоге он принес в этот день четыре пятерки и одну четверку. Так что спор совсем неожиданно для него принес дополнительные положительные результаты.

Владик же из солидарности с Женькой на следующий день тоже явился в школу в коротких штанах. Так и получилось, что они вдвоем из всей школы приходили на уроки в летней форме. Через несколько дней к этому привыкли все, кроме Светы, которая не упускала случая повоспитывать своих «братьев» опасаясь за их здоровье. В первую очередь за здоровье маленького Владьки, конечно.

– Ну что мне с вами делать, а? – вздохнула Света. – Вы постоянно друг друга выгораживаете, застываетесь... а меня не слушаете. Вы что, думаете, мне больше всех надо?

– Свет, ты чего? – растерялся Женька.

– А ничего! – обиженно ответила она. – Нельзя же мне постоянно следить за вами как за маленькими. Я даже засыпаю вечером с тревогой, что назавтра кто-нибудь из вас что-то новое выкинет. Кто, например, заставлял его сегодня хулиганить на музыке?

– Я больше не буду, – повторил Владик. – Честно, не буду...

– Молчи уж, – махнула рукой Света. – А кто надоумил этого «воина в коротких штанишках» применить легкоступ для появления в школе? Или заключать этот дурацкий спор? Теперь я боюсь, что вы простудитесь и заболаете. Я устала каждый день за вас бояться.

Женька осторожно дотронулся до плеча девочки. Он и не подозревал, что она так переживает за всех за них.

– Послушай, мы же не нарочно всё это делаем. Мне кажется, что ты слишком торопишься стать взрослой, сестренка. А зачем? Не знаю, но мне кажется, что не стоит ускорять время, мы итак за последние полгода сильно убежали вперед от остальных ребят. Но, слава богу, пока ещё не взрослые, иначе можно было бы рехнуться.

– Но и нельзя вечно поступать как неразумные мальчишки!

– А мы разве не мальчишки? Посмотри на Владьку – разве он похож на разумную девочку? Самый настоящий пацаненок!

– И ты сам такой же!

– Конечно! Мне же только двенадцать будет скоро! Двенадцать, а не двадцать два! Наверное, ничего страшного нет в том, что мы иногда... проказничаем... Зачем тогда и для чего вообще бывает детство? А ты... ты не бойся, Свет.

– Да-а, не бойся... знали бы вы...

– Тогда по-другому: кому, как не сестренке беспокоиться за своих дураков-братьев? Мы же договорились: ты наша сестра, а мы – твои братья. Так что нечего теперь хныкать и жаловаться. Насколько мне известно, сестра всегда боится за своих братьев.

– Откуда тебе это может быть известно, у тебя же нет настоящей сестры?

– Неважно! Из книжек, например. К тому же я, то есть мы с Владиком, считаем тебя сестрой совсем не понарошку. Правда, братишка?

– Ага! Ты не понарошку, ты совсем как настоящая сестра, – кивнул Владик.

– Тогда почему вы меня не слушаетесь?

– А кто тебе сказал, что братья всегда слушаются сестер? – хитро улыбнулся Женька. – Ведь сестра – это не мама.

– Нахал...

– Возможно. И уж наверняка тебе никто не говорил, что сестрой быть легко. Впрочем, как и братом тоже...

Они замолчали. Владик подошел и сел рядом на скамейку, тихонько качая ногами. Женька аккуратно подтянул свои белые гольфы и, потирая голые колени ждал, пока Света окончательно успокоится.

– Балбесы вы оба а не братья, – наконец сказала Света. – И, наверное, никогда не повзрослеете. Даже если вырастаете, так и останетесь мальчишками в коротких штанишках.

– А чем плохо? – улыбнулся Женька. – Лично я не спешу стать взрослым.

– Я тоже, – поддержал его Владик.

– А ты бы вообще помолчал! – Света бросила взгляд на Владика. – Вечно соглашаешься со своим любимым Женечкой.

– Ничего плохого не вижу в братской солидарности, – серьезно заявил Владик, за что получил от Светы легкий щелчок по носу.

– Солидарность! – фыркнула она. – Я вот покажу тебе завтра такую солидарность, если заявишься в школу с голыми коленками! Вон они у тебя посинели – не лето ведь уже!

– И что же ты ему сделаешь? – поинтересовался Женька.

– Я его маме пожалуюсь! Вообще, как она в октябре отпускает ребенка в таком виде в школу?

– А она и не отпускает. Я сам ухожу, – сказал Владик.

– Как это – сам?

– Я ухожу в школу – она уже на работе, а когда прихожу – она ещё на работе. Ни мама, ни папа ничего не знают.

– Та-а-к, – протянула Света. – Я так и подозревала! Не смей больше появляться в школе в таком виде! Ты понял! Не хватало только, чтобы ты заболел! Увижу ещё раз с голыми ногами – плохо тебе будет. И нечего тут в солидарность играть. Если большой балбес расплачивается за свою дурь, то тебе нечего с него пример брать.

– Нет, я – как Женя, – упрямо заявил Владик. – Женя ходит, и я буду!

– Опять начинается! Кто обещал слушаться? Вот и слушайся. Хочешь в шортах красоваться – пожалуйста, но голых коленок на улице чтобы я больше не видела.

– А как же тогда?

– А это не моя забота! Приходи в нормальных штанах и переодевайся в раздевалке, если такой упрямый. Ясно тебе?

– А он? – кивок в сторону Женьки.

– С ним тоже разберемся. По прогнозу скоро дожди и резкое похолодание.

– Когда?

– Уже на днях. Так что Женьке тоже придется утепляться.

Женька усмехнулся. Верка, наверное, каждый день молится чтобы стало совсем холодно и даже пошел снег, чтобы он хоть раз не выполнил условия. Пока погода была на его стороне, но долго так продолжаться не может.

– Ты, Владька, в самом деле, не выпендривайся. Не надо тебе так в школу ходить. Ещё кто-нибудь из учителей позвонит родителям на работу, тогда влетит тебе. В самом деле не лето уже, – решительно заявил Женька. – Сверкать голыми коленками в октябре как-то неестественно. На меня все время все прохожие пялятся. Наверное думают, что я чокнутый.

– Хоть один раз поддержал меня, – сказала Света. – Спасибо и на этом, братик.

– Видишь, сестренка, мы становимся послушными, как обещали.

– Ой, надолго ли?

Женька поднялся со скамейки и взял свой ранец.

– Честно? Не знаю! – рассмеялся он. – Пойдемте-ка домой, ато ещё Владьку застукают родители в таком виде – на нас все шишки посыпятся.

– Не застукают, – замотал тот головой, – они поздно приходят.

– Все равно домой пора. Пойдемте.

Они вышли со школьного двора и пошли к автобусной остановке – Владьку ехать в другую сторону.

– Да, ты был прав, – по дороге сказала Света.

– В чем? – не понял Женька.

– Действительно, трудно быть сестрой. Сестрой таких братьев, как вы двое...

2. Когда-то давно в городе

– Сережа! Не забудь после школы сходить в лавку за керосином! – крикнула мама, выглянув из окна кухни во двор.

– Хорошо, мама! Я помню!

Мальчишка с пшеничными волосами, бежавший к выходу со двора, остановился и обернулся назад. По-летнему теплый сентябрьский ветерок пузырем раздул его свободную белую рубашку, перекрещенную лямками штанов, концы ярко-алого пионерского галстука взметнулись вверх словно языки пламени костра. Он широко улыбнулся, показывая щербинку на зубах, и помахал маме рукой. Потом поправил на плече лямку холщовой сумки, в которой лежали учебники и тетрадки, и стремглав выбежал со двора к уже поджидавшим его приятелям.

Стайка празднично одетых мальчишек с новенькими красными галстуками быстро затерялась среди спешивших по своим делам взрослых людей. Многие из них улыбались вслед веселой компании, а некоторые просто не замечали их, озабоченные своими делами. Один дядька в полувоенном френче и сапогах – так одевались многие служащие разных контор – проводил компанию внимательным холодным взглядом. Причем смотрел он на мальчишек украдкой, делая вид, что просматривает свежую газету, наклеенную на круглую тумбу недавно установленную рядом с домом, со двора которого выбежал мальчик. Его взгляд царапнул по спине мальчишку и тот, словно почувствовал что-то, с недоумением оглянулся, но дядька сделал шаг в сторону и спрятался за тумбой. Приятели тут же окликнули его и он, пожав плечами, убежал вслед за ними.

Когда мальчишки скрылись из вида, дядька не спеша перешел через улицу и направился в противоположную сторону, деловито помахивая на ходу желтым кожаным портфелем. Но направился он совсем не в какую-нибудь контору, а дошел до окраинной улицы и скрылся за калиткой, ведущей во двор небольшого частного дома, два окна которого выходили на улицу и, несмотря на день, были занавешены плотными шторами. Поднявшись по ступенькам на крыльцо, он толкнул дверь и вошел в сумрачное помещение.

– Ну что? Ты видел его? – раздался откуда-то из глубины полутемной комнаты скрипучий старческий голос.

– Видел, – почтительно ответил вошедший.

– Он подойдет для нашего дела?

– Да, подойдет. Мальчишке девять лет, он здоров – я проверил его медицинскую карточку. Отца нет, мать работает на фабрике. Других родственников в школьном деле не зафиксировано. Если нейтрализовать мать, его никто искать не будет.

– Теперь у нас есть все три ребенка. Это хорошо. Нам нельзя привлекать к себе внимание.

– Я позабочусь о матери, хозяин.

– У меня осталось мало времени. Всё должно произойти в день осеннего равноденствия – только тогда их жизненная сила сможет стать моей.

– Я помню, хозяин. Всё будет в порядке.

– Надеюсь. Иди пока. Помни – времени мало. Мальчишки должны быть здесь двадцать первого сентября. Я сам приготовлю все что нужно.

Почтительно поклонившись, дядька попятился к двери и, оказавшись на крыльце, тихо прикрыл её.

– Ребята, успокойтесь, – учительница постучала указкой по столу пытаясь утихомирить полтора десятка галдевших, словно галки на дереве, мальчишек и девчонок. – Что подумает о дисциплине в отряде ваш новый вожатый?

– Какой вожатый? – спросила в мгновенно наступившей тишине одна из девочек. Пионерский отряд в классе был создан всего неделю назад и это был их первый настоящий пионерский сбор.

– А вы разве не знаете, что у каждого отряда есть свой вожатый?

– У нас пока нет никакого вожатого.

– Уже есть, Маша.

Учительница подошла к двери, открыла её, и в класс вошел молодой человек. Всё с интересом разглядывали его.

– Здравствуйте, ребята, – неловко поздоровался он.

– Здравствуйте... – разногласно раздалось со всех сторон.

– Знакомьтесь, – улыбнулась учительница, – Миша будет вожатым вашего отряда. Он работает слесарем на нашей фабрике и комсомольская ячейка направила его к вам. То есть к нам. Теперь не только у меня будет голова болеть за ваши проказы, но и у него. Впрочем, я надеюсь, что Миша научит вас порядку и дисциплине.

– У – у – у ... – раздалось откуда-то с последней парты.

– Да, да, Лавриков, – учительница по голосу узнала недовольного.

– Чего сразу Лавриков? Может, не я это вовсе.

– Кто же? Конечно, я только что слышала твой голос. Тебе научиться дисциплине не помешает в первую очередь. Но не будем отвлекаться. Вы уже целую неделю являетесь пионерами, а настоящего отряда пока нет. Миша, начинайте, пожалуйста, сбор.

Учительница показала ему на свое место, а сама тихонько села за пустую парту. Садиться Миша не стал. Он немного помялся на месте, словно мальчишка старшеклассник, прошелся пятерней по своим волосам и неловко улыбнулся всем присутствующим.

– Я вообще-то первый раз вожатым... – словно оправдываясь, начал он. – Меня, конечно, инструктировали в комитете комсомола, но как только я вошел сюда – начисто всё забыл... И, если честно, волнуюсь и... боюсь...

Доверительный голос вожатого вызвал улыбки у ребят и расположение к нему. Сережа даже подумал, что если он не постеснялся признаться в своих страхах, значит совсем не вредный человек.

– А вы сначала познакомьтесь с ними, – подсказала учительница.

– Меня зовут Михаилом, можно просто Мишей, – благодарно улыбнулся учительнице вожатый. – У меня есть список вашего... нашего отряда, но давайте лучше по-простому: назовите каждый себя сам. Согласны?

– Согласны! – тут же вскочила с места девчонка с торчащими в разные стороны косичками. – Я Маша Васильева! Люблю вышивать крестиком.

– Очень хорошо.

– Я Федя Корочкин, – встал следующим наголо стриженный мальчик. – Люблю футбол.

Один за другим вставали со своих мест мальчишки и девочки, называли себя и добавляли что-то ещё – или что они любят делать, или кем хотят стать. Когда очередь дошла до Сережки, он встал, поправил чуть сбившуюся лямку штанов на плече и сказал:

– Сережа Семечкин. Когда вырасту, я стану летчиком. А ещё я немножко умею играть на барабане.

– Правда?! – улыбнулся Миша. – Нам в отряде как раз нужен будет барабанщик!

– Сережка здорово барабанит, я слышал, – встал рядом его друг. – Меня зовут Павел, а фамилия у меня смешная – Попов.

– Почему смешная? – Миша посмотрел на Павлика.

– Потому что бога нет, а Попов – это от попа в церкви. Когда я вырасту, то обязательно поменяю фамилию. А кто будет дразниться, тот по шее получит.

Легкий смешок пробежался по классу.

Когда встал и назвался последний из ребят, Миша уже освоился со своей ролью и заметно оживился. Учитель за своей партой легонько кивала головой в знак одобрения и его поддержки, сама в разговор нового вожатого и ребят не вмешивалась. Ответив на несколько ребячьих вопросов, Миша перешел к делу. Оказалось, что просто вступить в пионеры – ещё только половина дела. Чтобы отряд был по-настоящему отрядом надо было разбиться на звенья. Каждому звену полагалось иметь какое-то дело, за которое они должны отвечать. А ещё, что больше всего понравилось Сережке, в каждом отряде должны быть барабанщик и горнист. И свой флаг. В их же отряде ничего этого пока не было.

С разбивкой на звенья разобрались быстро. Разделились на три звена и выбрали звеньевых – своего рода пионерских командиров. По совету учительницы, за каждым звеном закрепили по несколько ребят из класса, ещё не принятых в пионеры, которым нужно было помочь подтянуться в учебе, чтобы их тоже можно было принять в отряд попозже – в ноябре. Другие дела, как выразился Миша, сами найдут ребят в ближайшее время.

Хоть барабанщиком хотелось быть каждому мальчишке, но все же общим голосованием назначили на эту почетную должность именно Сережку, который продемонстрировал ребятам с помощью двух карандашей и поверхности парты как он сможет справиться с этим делом – отстучав походный марш. На горне играть не умел никто, поэтому эта должность в отряде пока оставалась свободной.

Больше всего времени ушло на обсуждение названия отряда. Предложения были самые разные: от того, чтобы присвоить отряду имя одного из вождей революции до известных людей или героев Гражданской войны. Совсем неожиданно одна из девочек предложила не присваивать отряду имя какого-то конкретного человека, как делали во всех пионерских отрядах, а дать ему имя какого-то события, например «пионерский отряд имени Всемирной Революции». Идея всем понравилась. Но называть отряд именем Всемирной Революции было бы слишком напыщенно, как сказала вмешавшаяся учительница, поэтому пришлось выбирать из других предложений, горохом посыпавшимся со всех сторон. Но больше других всем понравилось предложение вожатого Миши. Он предложил присвоить отряду имя «Парижской Коммуны». Точно так же именовалась фабрика на которой он работал. Что такое Парижская Коммуна никто из ребят толком не знал. Миша тут же коротко рассказал своим новым подопечным когда эта коммуна была и как трагически закончилась, задушенная войсками французского короля. Там даже был один геройский мальчик по имени Гаврош, который погиб на баррикадах смеясь над стрелявшими в него солдатами и распевая веселые песни. Оказывается, про него даже в книжке написал какой-то французский писатель. Услышав про геройского мальчишку, ребята захотели назвать свой отряд его именем, но учительница снова отговорила их от этого. В итоге отряд все же получил свое название. Отныне в третьем классе их школы появился пионерский отряд «имени Парижской Коммуны».

Сережка обрадовался и огорчился одновременно. Обрадовался, что стал отрядным барабанщиком, и огорчился оттого, что настоящего барабана пока не было. Но Миша обещал «выбить» барабан для своего отряда в фабричном комитете комсомола. Это немного успокоило Сережку – он готов был приступить к выполнению своих обязанностей прямо сейчас.

А ещё Миша пообещал, что они будут ходить в походы и петь песни у костра – это его обещание понравилось абсолютно всем и больше всех остальных.

Расходились все после своего первого сбора веселые и довольные. Перед домом Сережка попрощался с друзьями – ему предстояло сделать ещё кучу дел, ведь они жили с мамой вдвоем и у него были свои домашние обязанности.

Убегая в свой двор, Сережка снова почувствовал царапающий его спину взгляд. Уже второй раз за сегодняшний день. Но, оглянувшись, не заметил никого, кто бы разглядывал его. Прохожие, как всегда, спешили по своим делам и не обращали на него никакого внимания. Пожав плечами, решил, что всё это ему только показалось, и тут же забыл.

*

Барабан Сережка получил через неделю. Миша не говорил, что когда он рассказал про своих пионеров, к которым он сразу привязался, друзьям на фабрике, они, чтобы помочь новому вожатому, просто скинулись кто сколько мог на барабан для ребяташек. Миша купил его в недавно открывшемся в городе большом коммерческом магазине. В таких магазинах можно было купить всё что угодно, но за большие деньги. В стране всё ещё действовала карточная система на хлеб, основные продукты и товары первой необходимости. По карточкам товары были дешевле, но их количество было ограниченным. Например, в день на человека можно было купить только фунт хлеба. Это при предъявлении карточки. В коммерческом же магазине хлеб продавался свободно, но в пять раз дороже. Дела с одеждой тоже были не лучше. По выдаваемым специальным ордерам на детей можно было купить пару рубашек на год или несколько метров материи, из которой что-то можно было сшить самостоятельно. Большинство мам так и делали: брали по ордеру подходящий материал и сами шили своим детям рубашки, платья и штаны. Новая обувь у ребят была большой редкостью, в основном ботинки им покупались на барахолках, уже кем-то ношенные. По этой причине Сережка с друзьями всё лето бегали босиком – берегли свои ботинки и чулки для школы.

Красивый красный барабан с начищенными медными ободами крепился на удобном и мягком кожаном ремне. Он сразу же влюбился в свое сокровище. Полированные кленовые палочки так и просились в руки. Стоило ими только коснуться туго натянутой кожи, как барабан издавал веселую, чуть звенящую дробь. Сережка был на вершине счастья и первые два дня разве только спать не ложился вместе с барабаном, замучив барабанным боем всех соседей по дому. В конце концов делегация соседей с завязанными полотенцами головами попросила маму, чтобы её сын нашел другое место для занятий своей музыкой.

Пришлось подчиниться. Теперь Сережка вставал рано утром и, схватив в обнимку свой барабан, убегал за недалекую окраину города и там, в утренней тишине и прохладе давал волю и себе и барабану. Он спешил выучить все положенные барабанные марши и другие сигналы к предстоящему вскоре большому осеннему пионерскому сбору. Их отряд впервые будет принимать участие в таком мероприятии и на него, барабанщика Сережку, будут смотреть не только пионеры из его отряда, но и из всех других отрядов школы. А свои барабанщики были в каждом отряде. Ударить лицом в грязь он не только не хотел, но и не имел права – это значило бы подвести весь отряд имени Парижской Коммуны.

Поднимаясь каждое утро чуть ли не с рассветом, он тихонько, чтобы не разбудить маму, одевался и на цыпочках выбирался из дома. Но разве можно обмануть маму? Она каждый раз просыпалась когда сын только начинал одеваться, но не подавала вида, что не спит. Когда Сережка осторожно прикрывал за собой дверь, она вставала и из окна смотрела, как он, ежась от утренней прохлады, проходит через двор и улыбалась ему вслед. Возвращался сын довольный и немножко усталый, быстро съедал нехитрый завтрак и убегал в школу, гордо неся свое сокровище на виду у всех прохожих.

Школьные и пионерские дела занимали всё свободное время ребят. Миша, работавший на фабрике в первую смену, сразу после работы спешил к своим ребятам. Подготовить отряд к предстоящему сбору было нелегко. Времени до большого осеннего сбора оставалось немного, а ребят ещё предстояло научить ходить строем под барабан, несколькими песнями, подготовить к предстоящим на сборе конкурсам. Забот у нового вожатого хватало. К тому же надо было ещё следить, чтобы успеваемость пионеров не упала, а наоборот, повышалась, чтобы ребята сносно разбирались в событиях, происходящих в стране и в мире. Но нельзя было забывать и про стажировку в местном отделении милиции – фабричный комитет комсомола выдал ему комсомольскую путевку на работу в милицию. Стажировка, от результатов которой зависело возьмут Михаила на работу в милицию или нет, подойдет к концу как раз перед очередной

годовщиной Октябрьской Революции. В отделение милиции он спешил уже вечером и там принимал участие в нелегкой милицейской работе – засадах, облавах и задержании преступников. У него даже был револьвер системы «наган», который он ребятам не показывал, пряча его во внутреннем кармане своей куртки, во избежание лишних вопросов со стороны любопытных мальчишек.

Работая по вечерам в милиции, Миша знал, как много ещё всяких преступников и недобитых белогвардейцев вокруг. Их злость на новую власть распространялась не только на государственные структуры, но и на простых людей, мирно и добросовестно трудившихся в городах и селах. Эти недобитки вредили молодому государству где только могли и как могли. Они устраивали диверсии на фабриках, заводах и транспорте. Портили и уничтожали оборудование, жгли посевы и урожай молодых, начавших только организовываться колхозов. Убивали партийных, комсомольских и советских активистов. В своей озлобленности враги не щадили даже детей. В соседнем городе толпа озлобленных и пьяных базарных торговцев закололи вилами двух пионеров, появившихся на рынке с красными галстуками на груди. Всего лишь за то, что они носили эти галстуки. В другом уезде, в одной из деревень, кулаки сожгли только что построенную школу, а увидевшего их мальчика и его младшую сестренку разорвали, привязав за руки и за ноги к лошадям.

У Миши сердце леденело при одной мысли о том, что что-нибудь подобное может случиться с его ребятами, к которым он успел привязаться и которых полюбил как своих младших братьев и сестер. Он дал себе слово, что как бы не сложилась его судьба в дальнейшем, будет он работать в милиции или нет, но за своих ребят, да и не только за своих, он любого врага задушит голыми руками.

Конечно же, ему хотелось, чтобы его стажировка прошла успешно и его взяли на постоянную работу в милицию. Но в последние дни, с головой окунувшись в школьную жизнь своих ребят, он всё чаще стал подумывать над тем, не пойти ли учиться дальше и самому стать учителем. Уж больно по душе ему было возиться со своими непоседливыми и любопытными подопечными.

Больше других Мише нравился Сережа Семечкин – барабанщик его отряда. Умный и целеустремленный мальчик учился хорошо и всегда отзывался на любую просьбу друзей, а с врученным ему барабаном не расставался никогда, лихо управляясь с будто летавшими в его тонких пальцах барабанными палочками. Очень аккуратный. Рубашка и короткие штанишки всегда были выглажены, старенькие ботинки начищены до блеска. Все дырки на чулках всегда аккуратно заштопаны, чего нельзя было сказать о других мальчиках. Обаятельная улыбка Сережки могла обезоружить кого угодно. Мишу она всегда обезоруживала. Этого мальчишку без преувеличения можно было назвать лицом отряда имени Парижской Коммуны.

Разве можно представить, что что-то плохое может случиться с таким мальчишкой, как Сережа? Нет, Миша этого никогда не допустит!

3. Совпадения

Перед уроком физкультуры в классе появился Леонид Владимирович.

– У меня для вас есть отличное предложение, – усевшись прямо на преподавательский стол, сказал он. – Переодеваться в спортивную форму сегодня, кстати, совсем не обязательно.

– Что за предложение?

– Какое?

– Почему не переодеваться? Урока не будет?

Раздалось сразу со всех сторон. В классе были одни мальчики, так как у девочек была специальная раздевалка.

– Почему же это не будет? – усмехнулся Леонид Владимирович. – Очень даже будет! Только не в спортивном зале.

– А где? На улице?

– Нет, и не на улице. Не засыпайте меня вопросами, я сам всё скажу. Для начала ответьте на один вопрос.

– Какой? – не удержался Павлик.

– Какой ты нетерпеливый, Савушкин! Ребята, хотите чтобы у нас в школе был стрелковый кружок?

Какой мальчишка не любит стрелять? Наверное, таких в природе вообще не существует. Едва до ребят дошел смысл вопроса учителя, в классе поднялся невообразимый шум. Каждый, стараясь перекричать другого, восторженно вопил, что мечтал об этом всю жизнь или по крайней мере с первого класса. Леонид Владимирович переждал шквал выплеснувшихся наружу эмоций, прикрыв на всякий случай уши руками.

– Так. Понятно, – сказал он, когда шум немного поутих. – Тогда придется немного поработать.

Урок физкультуры был у них на сегодня последним. Оказалось, что директор разрешил учителю физкультуры совместно с учителем ОБЖ организовать в школе стрелковый кружок. Даже выделил деньги на четыре пневматических винтовки и помещение для оборудования тира. Вот это помещение и предстояло ребятам освободить от всякого хлама и давно не нужных никому вещей. Это была большая комната в подвале, которая уже много лет использовалась в качестве кладовой. Причем кладовой довольно своеобразной – в ней складывали всё, что явно уже вряд ли кому когда-нибудь понадобится, а выбрасывать было как-то жалко. Возможно, что эта комната и дальше осталась бы кладовой, но Леонид Владимирович по секрету сказал ребятам, что очистить помещение от старинного хлама велел пожарный инспектор, который на днях проверял школу. Обычно ни один инспектор не добирался до подвальных помещений, но этот оказался дотошным малым и облазил всю школу от чердака до подвала.

Учителя тут же смекнули, что комната в двенадцать метров длиной и в четыре шириной лучше всего подойдет для давно вынашиваемого ими плана создания школьного тира и тут же «наехали» вдвоем на директора. Запуганный пожарным инспектором, он с легкостью согласился с их предложением, хотя школьный завхоз решительно возражал, требуя оставить помещение в его ведении. Видимо директор представил себе новый визит пожарного инспектора и состояние этого помещения, если оставить его у завхоза, и заранее начал глотать таблетки нитроглицерина. Короче говоря, помещение досталось стрелковому кружку – к тому же это было в духе последних приказов Министерства Образования, требовавших возродить и активизировать военно-патриотическую работу в учебных заведениях.

Закончив рассказ, физрук привел радостных учеников в подвал и открыл дверь в будущий стрелковый тир. Энтузиазм мальчишек сразу же охладел: пыльная комната от пола

до потолка была забита разным хламом – от стендов и плакатов времен социалистического прошлого, до доисторических массивных парт.

– Ничего, братцы-кролики: глаза страшатся, а руки делает! – подбодрил их учитель.

Он показал мальчикам куда и чего надо носить и складывать и, подавая пример, первым взялся за огромный выцветший транспарант. Остальные последовали его примеру.

Оказалось, что разбирать завалы старины было ещё и интересно. Тут и там находились интересные вещи, над которыми мальчишки восторженно и восхищенно вздыхали. Где-то в середине комнаты обнаружился массивный шкаф. Сразу открыть его дверцы не удалось, что здорово подогрело ребячье любопытство, ведь в таких древних шкафах могло оказаться что угодно. Когда пространство вокруг него было расчищено, самый нетерпеливый из любопытных, Павлик Савушкин, с замиранием сердца потянул на себя заскрипевшую проржавевшими петлями дверцу.

– Ни фиги себе! – вырвалось у него, едва дверца открылась.

Столпившиеся за его спиной ребята увидели в углу шкафа самое настоящее знамя. Подошедший Леонид Владимирович осторожно достал и развернул его. Оно оказалось знаменем школьной пионерской организации.

– Между прочим, – сказал учитель, поглаживая рукой красный шелк знамени, – Я считаю, что пионерскую организацию распустили совершенно напрасно. Нам было интересно в свое время. Одна только игра «Зарница» стоила многого!

– Что это за игра такая? – поинтересовался кто-то.

– Была раньше такая детская военно-спортивная игра, очень интересная и для мальчиков полезная.

– Расскажите!

– Как-нибудь в другой раз. Сегодня у нас ещё вон сколько работы! Давайте-ка, ребятки, эти вещички выбрасывать не будем. Сохраним для истории школы. Вам тоже, наверное, будет интересно узнать, как жили ваши сверстники в былые времена, а?

Мальчишки согласились. Весь шкаф был забит какими-то бумагами, перевязанными в стопки шпагатом. Физрук показал, куда сложить весь этот, как он выразился, «пионерский архив», чтобы он не затерялся среди прочего мусора.

Кроме знамени и кучи бумаг, шкаф, оказывается, скрывал в своем чреве ещё несколько интересных вещей. В самой его глубине под пыльными и выцветшими от времени бумагами совсем неожиданно обнаружили позеленевший от времени горн без мундштука и два барабана с такими же позеленевшими ободами. Один из барабанов выглядел уж совсем старым, а второй был значительно новее. Обнаружились там же и барабанные палочки.

Женька достал старый барабан и легонько ударил по его коже удивительно легкой палочкой – барабан тут же отозвался звонким, слегка звенящим звуком, словно проснулся от долгого сна и обрадовался этому.

– Смотри-ка! – удивился Женька, обращаясь к стоявшему рядом Петьке Савушкину. – Работает! Словно и не пролежал здесь в темноте много лет!

– Главное, что кожа не отсырела или не лопнула, – кивнул Петька. – Раньше умели делать хорошие вещи.

Женька осторожно перенес барабан к остальному «архиву», аккуратно положил на него сверху легкие палочки и, прежде чем уйти, почему-то осторожно погладил барабан по холодному гладкому боку. Он сам не знал почему, но инструмент заинтересовал его.

За один урок с очисткой помещения ребята не управились, но по просьбе учителя задержались и освободили помещение до конца.

– Ну вот! – сказал довольный физрук, осматривая длинное помещение. – Эта комната как будто бы создана для нашего тира. Правда, здесь ещё куча работы, но, как говорится, лиха беда – начало! Думаю, что во второй четверти тир уже будет всю работу.

– Почему так поздно? – удивился кто-то.

– Предстоит ещё сделать ремонт, установить пулеулавливатели, дополнительный свет, да и ещё кое-что по мелочам. Конечно, если вы примите активное участие, то, возможно, управимся раньше. Есть желающие?

Желающие нашлись.

– Слушай, дорогой, – удивилась мама, окинув взглядом сына, когда он появился дома. – Где ты умудрился так извозиться? Кажется, на твоих штанах и куртке самая настоящая пыль столетий.

– Как ты угадала? – поинтересовался Женька, освобождаясь от школьных туфлей и сунув ноги в домашние тапочки.

– Не думала, что угадаю... Посмотри на себя: такое впечатление, что ты был не в школе, а шлялся по каким-то забитым старой рухлядью подвалам или чердакам. Весь твой костюм теперь стирать придется. И дырка вон новая у коленки. А ещё от тебя за версту несет специфическим запахом старых кладовок. В каком виде ты завтра в школу отправишься?

– Мам, с твоими способностями Шерлока Холмса тебе следовало пойти работать в полицию! Мы в самом деле освобождали от старого хлама одну комнату в подвале, в которой у нас будет стрелковый кружок.

Он поковырял пальцем свежую дырку под коленкой – даже и не заметил, где умудрился зацепиться.

– Завтра суббота, мам, мы не учимся.

– И правда! Я и забыла. Тогда всё бросай в стирку. Только вот что: если ты с такой скоростью будешь рвать колготки, а это уже вторые за неделю, тебе точно не выиграть своего пари. Я же не рассчитывала на то, что ты будешь в школу в таком экстравагантном виде бегать, для зимы эти вещи покупала, но боюсь, что до зимы они и не доживут. Над тобой, кстати, в школе не подшучивают?

– Если честно, то иногда бывает, – со вздохом сознался Женька. – Какие-нибудь кретины узколобые посмеиваются, говорят, что в девчоночьих вещах хожу или на детсадовца похож. Но ведь дураков везде хватает, правильно? Но ты не бойся, это не часто бывает. Я теперь из принципа даже, а не только из-за спора, до самых каникул так прохожу.

Он чуть помолчал и добавил:

– А некоторым ребятам нравится. Они говорят, что я смелый. А чего в этом особенного?

– Особенного, конечно, ничего нет, просто некоторым непривычен твой наряд вот и всё. А насчет новых дырок – я вполне серьезно говорю. У тебя всего одни черные без дырок остались. Если и их порвешь – тогда что?

– Ещё серые есть. Но я постараюсь быть аккуратнее.

– Сделай одолжение.

Женька умылся и переоделся. Уроками сегодня заниматься было не обязательно – впереди два дня выходных. Зато сегодня вечером вся компания должна собраться во дворе у Казаковой. Они так часто делали – собирались по очереди в чьемнибудь дворе. Иногда появлялся Филарет – тогда он, как и обещал летом, учил ребят возможностям, которые давала та сила, которую они так неожиданно приобрели этим летом. Эти, уже внешкольные уроки, были интересными и занимательными. Они научились лучше использовать свои возможности и экономнее расходовать силы. Даже Савушкины, поначалу только слушавшие и наблюдавшие за происходящим, стали принимать участие в этих своеобразных уроках, и, им самим на удивление, у них тоже стало кое-что получаться! Павлик умудрился переместиться на несколько шагов с помощью легкоступа, а Петя с каждым разом ставил невидимые стены всё лучше и лучше. Первые успехи придали стараниям братьев такой запал энтузиазма, что они теперь ждали очередных встреч с волхвом, наверное, с большим нетерпением, чем все остальные.

Сегодня Филарета они не ждали – на прошлом занятии он предупредил ребят, что появится только через две недели. Прошла только первая. Но это ничего не меняло. Только собравшись вместе наши друзья могли спокойно поговорить и немного потренироваться не привлекая постороннего внимания. Когда они были с Филаретом, он создавал вокруг них специальную стену и никто не мог видеть, что они делают, хотя и находились совсем рядом. Из ребят никто пока так делать не умел, поэтому, когда они собирались вместе без волхва, то уходили куда-нибудь подальше от посторонних глаз. Надо пользоваться теми оставшимися немногими хорошими днями, что отпустила им эта осень. Если встречались в выходные днем, то уходили на берег речки и даже навещали старый тополь, который уже сбросил свои листья. Сейчас там появляться было безопасно, не то что летом, а то, что постороннего человека в те места заносило редко, ребятам было на руку. По вечерам же так далеко отправляться не имело смысла – темнело с каждым днем всё раньше.

Но, оказывается, даже в городе, под самым боком можно было найти достаточно уединенное место для своих занятий. Одним из таких мест была незаконченная стройка рядом с Женькиным домом. А рядом с домом Светы был поросший высохшим бурьяном пустырь – тоже неплохое местечко. В таких местах можно было достаточно спокойно заниматься своими делами. Сегодня как раз туда они собирались отправиться.

Вечера были уже прохладными, поэтому Женька оделся в теплый спортивный костюм – на свободное от школы время действие их спора с Веркой Самчуковой не распространялось. Взглянув на часы, он заторопился, выбежал из квартиры и помчался к Светкиному дому.

Во дворе Казаковой он появился первым. Подниматься к Свете не стал, зная, что она сама выйдет вовремя. Он уже был знаком с некоторыми ребятами из её двора, поэтому просто подошел к кучке мальчишек, игравших неподалеку в популярную у мальчишек всех времен игру перочинным ножиком, перекинулся с ними несколькими словами.

Почти сразу за ним во дворе появились Березкин с Владиком. Ждать братьев пришлось ещё минут десять. Только когда пришли они, из подъезда вышла Света. Женька подозревал, что она всё время следила за ними из-за занавесок и специально не выходила, пока они все не собрались. Не теряя времени, сразу направились на пустырь.

Непоседливый Владик юлой вертелся вокруг старших приятелей. Он то забегал вперед, то возвращался назад, и без умолку трещал.

– А чего я вам сейчас покажу! Вовек не догадаетесь! – обещал он.

– Наверняка придумал какую-то хохму, – предположил Павлик, провожая глазами вновь умчавшегося вперед мальчишку. – Березкин, вы вместе пришли, не просветишь ли нас насчет многообещающих заявлений этого деятеля?

– Сам всю дорогу обещания выслушивал, – хохотнул Коля. – Не раскалывается ни в какую! Так что ничем помочь не могу.

– И даже не намекал?

– Нет. Крепко держится. Только многообещающие заявления.

– Как бы чего-то такого не придумал... – привычно забеспокоилась Света.

– Сейчас узнаем, недолго осталось, – не остался в стороне от разговора Женька. – Только ты сразу не набрасывайся на него... если что...

– Мне это уже заранее не нравится, – нахмурилась Света.

– Ты прямо совсем как взрослая тетка, – ухмыльнулся Павлик. – Совсем уж нас зажимаешь, скоро вздохнуть свободно будет невозможно.

– А с вами по-другому нельзя! У вас, мальчишек, все мысли направлены только в одну сторону.

– Это в какую же?

– Ты не догадываешься? Конечно же, только на всякие пакости и шалости!

Женька и остальные мальчишки с таким заявлением Казаковой были не согласны.

– Пакости и шалости – это совсем разные вещи. Шалости всегда безобидные. Ну, почти всегда. А пакости – это... это пакости. Это когда специально другому человеку вред делаешь. Мы же никому специально вреда не делаем.

– Ваши шалости – они тоже... всякие бывают!

– Зато всегда безвредные. А если и страдает из-за них кто-то – так сами мы в первую очередь, – Женька кинул быстрый взгляд на Свету и добавил: – Одни твои наставления пострашат ее всяких наказаний будут.

Он тут же получил от подружки удар по спине, и, хохоча, пустился вслед за убежавшим Владиком, преследуемый по пятам возмущенной Светкой.

– Ну держись, Женька, – смеялись сзади остальные ребята. – Сам напросился!

Смеясь и гоняясь друг за другом, они добрались до намеченного места – небольшой хорошо утоптанной площадки, окруженной со всех сторон зарослями уже высохшей полыни и репейника. Эти заросли были такие высокие, что с головой могли бы скрыть даже взрослого человека, а наши ребята могли скрыться в них без особого труда. Правда, если залезть в эти дебри поглубже, то вылезешь обратно с головы до ног покрытый прицепившимися к одежде репьями. Это однажды уже испытал на себе непоседливый Владик, которого пришлось потом общими усилиями очищать от колючек почти целый час. Но если не соваться в заросли – место было хорошим.

Выйдя по узкой тропинке на площадку, они буквально застыли на месте от изумления: в центре площадки на огромном бревне, в позе индийского йога сидел застывший Владик. На голове у него белело подобие чалмы, которую он накрутил из невесть откуда взявшегося полотенца.

– Явление первое: мы попали в Индию! – оправившись от изумления, произнес Женька.

Все с интересом уставились в центр площадки. Владик сидел скрестив на груди руки и с закрытыми глазами. Лицо его было серьезным и сосредоточенным. Прошла минута, другая – ничего не происходило.

– Картина вторая, – негромко усмехнулся справа от Женьки Петька: – Фокус не удался.

Правое веко Владика недовольно дрогнуло, но позы своей он не изменил. Лицо его словно застыло и на нем ясно проглядывало усилие, с которым он пытался что-то сделать.

– Тише! Не мешай ему, – прошептал Коля Березкин.

Прошло ещё какое-то время, и вдруг неподвижная фигура Владика медленно, едва заметно, приподнялась над бревном. Женька протер глаза, удостоверившись, что увиденное ему не померещилось. Рядом ахнула Света. Тихонько присвистнул кто-то из братьев. Не меняя позы, сидящий Владик приподнялся над бревном сантиметров на двадцать. Теперь ясно было видно, что это не обман зрения и не фокус.

– Картина третья: красивый фокус! – сказал Женька. – Молодец Владька!

А юный йог, повисев некоторое время в воздухе, тихонько опустился обратно на бревно и открыл глаза. Не говоря ни слова ждал, что скажут друзья о его новом достижении.

– Молодец, Владик, – первой похвалила его Света. – Так никто из нас ещё не умеет, даже Женя.

По голосу было ясно – она довольна тем, что многообещающие заявления мальчишки вылились в безобидную демонстрацию его новых возможностей. Несколько минут назад она была готова совсем к другому. Света подошла к Владiku и взяла его за руку, ненароком проверяя по своей привычке его состояние. Но он выдернул руку из её ладони и вскочил на ноги.

– Правда? А я быстро научился! – затараторил он. – Сначала подумал, что если у нас получается поднимать и двигать предметы, то почему бы не попробовать поднять самого себя? Немножко потренировался – и вот, получилось. Правда здорово?

– Долго тренировался?

– Долго! Четыре дня целых!

– Наверное, уйму энергии угрохал, – покачала головой Света.

– Совсем нет! – энергично замотал головой Владька. – Это совсем не сложно оказалось. Не сложнее, чем ложку со стола приподнять. Только представить надо на её месте самого себя – и готово!

– Хорошо тому, у кого такие вещи легко получаются! – завистливо протянул один из братьев. – У нас вот так быстро ничего не выходит, а он захотел – и сделал! Счастливчик!

Савушкиным новая наука давалась с трудом. Но и их скромные достижения заставили крепко задуматься волхва Филарета, ведь при первой встрече ещё в Темном Урочище он сказал, что у братьев нет способностей к волхвованию. Но они упорством обделены не были и их старания дали первые результаты. Филарет даже сказал как-то Женьке, что вероятно теперь придется пересмотреть многие древние постулаты учения, если любой человек может научиться пользоваться силой, значит мир серьезно меняется. Только к добру это или нет пока не ясно.

Сейчас ребята набросились на Владика с расспросами, и, получив ответы, все тут же попытались повторить его фокус. Провозились долго, почти до темноты, совсем забыв, что первоначальной целью были тренировки в постановке прочных невидимых стен. Но Владькин эксперимент оказался заразительным даже для Светы. Она, как и все, с увлечением пыталась приподнять саму себя над землей.

У Женьки это получилось не сразу. Как он ни пытался сосредоточиться и представить самого себя отрывающимся от земли, то есть от бревна, на котором сидел – ничего не выходило. Он снова и снова повторял свои попытки, начиная потихоньку злиться, но это только снижало вероятность успеха. Приказав самому себе успокоиться, он поудобнее уселся на бревне, выбросил из головы посторонние мысли.

– У тебя получится, Женья, – услышал он у самого уха горячий шепот Владика. – Просто представь, что видишь себя со стороны, и что ты совсем легкий, как... как спичка, например...

Женька зажмурился и последовал его совету. Не сразу, но ему удалось словно бы увидеть себя со стороны сидящим на бревне в позе индийского йога. Потом он представил, что медленно отрывается от бревна и поднимается вверх и... почувствовал, что под ним нет никакой опоры...

– Я же говорил, что у тебя получится! – словно издалека донеслись слова Владика.

С замиранием сердца Женька чуточку приоткрыл глаза и скосил их вниз: он парил в воздухе в нескольких сантиметрах от бревна. Прислушавшись к своим ощущениям, он обнаружил удивительную невесомость своего тела. Оно стало легким словно пушинка и это было приятно.

Он осторожно опустился обратно на бревно. Рядом тут же уселся довольный Владик.

– Здорово, правда! И совсем не трудно!

– Да, просто. Только знаешь что?

– Что?

– Я не вижу практической ценности в этом фокусе. Если только немного удивить кого-нибудь, а так для чего?

– А разве обязательно во всем должна быть какая-то полезность? – хитро посмотрел на него Владик.

– То есть, как это? – не понял Женька.

– Какая, например, польза от тараканов на кухне? Никакой абсолютно! Одна только эта... антисанитария. Или от комаров? Какая от них польза? Или их ночной надоедливый писк, не говоря уже о том, что они стремятся нами пообедать, ты воспринимаешь как колыбельную песенку? Но и тараканы и комары существуют. Бесплезные, а всё же есть! Так и тут: ну и что из того, что не видно полезности? Просто здорово – поэтому и полезно! К тому же, вдруг в самом деле это когда-нибудь принесет настоящую пользу. Главное – мы умеем!

Переважив услышанное, Женька не смог возразить Владике. Он легонько шлепнул его по макушке и они оба залились смехом.

Успехов добились и Света, и Коля. Они тоже смогли приподняться над землей. У братьев успехи были послабее, хоть оба и уверяли, что у них, кажется, тоже что-то получилось, но Женька не заметил, чтобы Савушкины оторвались от своих мест. Но он, как и остальные, не стал разубирать их – уж больно убедительно блестели глаза мальчишек.

Когда все успокоились после обмена впечатлениями, времени на другие тренировки совсем не осталось, но и расходиться по домам тоже не хотелось. Не сговариваясь, они просто уселись на бревно, довольные сегодняшним вечером.

Закат был на удивление красивым. Большой круг красного солнца медленно спускался к окрашенному в такие же тона горизонту. Но в этом красном закате не было ничего угрожающего, наоборот – природа словно играла этими красками, то сгущая их до алого цвета, то растворяя до чуть розовых оттенков. Наблюдать за игрой цветов было интересно.

В какой-то момент ярко-красный солнечный диск вдруг украсился золотым ободком – такого никто раньше не видел. Все тихо ахнули от необычного зрелища. Неизвестно почему, но глядя на него Женька вдруг подумал, что закатное солнышко чем-то напоминает... барабан! Да, именно барабан! Такой же, какой они нашли сегодня разбирая старую школьную кладовую. Тот тоже был красный и с медным ободом, который, если отчистить его от многолетней зелени, засверкает золотистым цветом.

– Ребята! Солнце – как барабан! – негромко воскликнул он. – Мы сегодня такой нашли, помните?

– Похоже! – согласился Павлик. – В самом деле похоже. Только палочками по нему не постучишь.

– А я умею барабанить! – заявил Владик.

Все снисходительно посмотрели на него. Владик расценил это как сомнение в своих словах.

– Не верите?

– В твоём возрасте все умеют играть на барабанах, – примирительно сказал Березкин. – Только вот КАК играть?! Просто палочками стучать и трехлетний малыш может. А вот по настоящему – не каждый умеет!

Кажется, Владик всё же немножко обиделся. Он молча спрыгнул со своего места и отошел к краю площадки, что-то ища под ногами. Через пару минут вернулся с двумя небольшими сухими палочками и пустой консервной банкой, которые в изобилии валялись по всему пустырю. Забравшись обратно на бревно он зажал между коленями банку и взял палочки в обе руки.

– Я в самом деле умею! – заявил он и взмахнул палочками.

Конечно, пустая консервная банка – это вам не настоящий барабан, но и из неё можно извлечь кое-какие звуки. Тем более, если действительно умеешь. Сухая, негромкая дробь нарушила тишину пустыря.

– Этот сигнал называется «Сбор», – прокомментировал Павлик. – Так у папы в воинской части играют при разводе суточного наряда.

Владик ничего не сказал и перешел на другую мелодию.

– А это марш, – сказал Павлик.

– «Походный марш» – поправил его брат. – Мальчик действительно знаком с инструментом.

Владик доиграл мелодию до конца и исполнил ещё один марш. Даже на консервной банке получалось хорошо. Когда он закончил второй марш, Женька сказал с виноватыми нотками в голосе:

– Извини, друг. Мы не знали.

– А вы и не могли знать, – пожал он плечами. – Я же никому не говорил.

– Не обижайся.

– Я и не обижаюсь. Просто вы не поверили бы, если бы я не показал. Вот я и показал, что умею.

– Где же ты научился? – спросила Света.

– В позапрошлом году я в лагерь летом ездил – у нас там кружок был. За эту лагерную смену и научился, а до этого тоже не умел. Только сейчас трудно играть было – давно не тренировался, руки здорово устают с непривычки.

«Всё-таки как мало мы друг о дружке знаем, – подумал Женька. – Вот не вспомни я случайно про барабан, так никто бы из нас не узнал никогда, что Владька так здорово умеет играть на барабане. А у других? Что мы, собственно говоря, друг о друге знаем? Да почти ничего!»

– А что за барабан вы нашли? – спросил Владик, отложив в сторону палочки и банку.

– Даже не один, а целых два, и палочки там есть. Леонид Владимирович сказал, что они, наверное, остались от пионерской организации. Раньше в каждой школе пионерские отряды были, а потом их не стало. Барабаны и горн были в старом шкафу в кладовке, из которой будут делать тир для стрелкового кружка. Ещё там были Знамя и много всяких бумаг. Физрук не разрешил их выкидывать, он сказал, что с бумагами потом будем разбираться, потому что в них может быть много интересного.

Владик заинтересованно слушал Женьку.

– А сейчас они где?

– Что? Барабаны или бумаги?

– Барабаны, конечно.

– Там же в будущем тире лежат пока.

– Вот бы поиграть на настоящем барабане! – мечтательно сказал Владик.

– Подойди к учителю, он, наверное, разрешит.

– Если у тебя так здорово получается на какой-то консервной банке, то на настоящем барабане вообще классно выйдет, – поддержал Березкин.

– Да ладно вам... – сразу засмутился Владик. – Получается немножко и всё...

Вокруг становилось темнее. Солнце уже добралось до самого горизонта и наполовину скрылось за ним. Пора было собираться в обратный путь – всем, кроме Казаковой, надо было ещё добираться до своих домов. Они подождали немножко, пока краешек солнца совсем исчезнет. После заката темнеть стало ещё быстрее, на небе тут и там появлялись звезды, но сумерки – это ещё не ночь и видно вокруг пока ещё далеко.

Женька вытряхнул из кроссовок невесть как попавший туда маленький камешек и вдруг спросил Владика:

– А это, что ты первым играл, как называется?

– Это называется «сбор». А что?

– Да так... «Сбор!» Интересно! Мне показалось, что это тревожная какая-то... игра. Может, это сбор по тревоге?

– Не знаю, – пожал плечами Владик. – Нам почему-то не объяснили конкретно. Просто сигнал сбора и всё.

– Ещё раз можешь показать?

– Без проблем!

Он подобрал банку и поставил её на бревно. Взмахнул палочками, и вновь сумерки нарушила быстрая, похожая на барабанную, дробь. Действительно, в ней слышались какие-то тревожные нотки. Как будто бы барабанщик срочно собирал бойцов к отражению вражеской атаки. Так показалось Женьке. Света и остальные ребята стояли уже у тропинки и поджидали

их. Но Владик исполнил сигнал до конца. Они ещё чуточку задержались, пока звуки последних ударов не растаяли в воздухе.

– Всё же это, наверное, сбор по тревоге, – убежденно сказал Женька.

– Может быть, – покладисто согласился Владик. – Я не знаю.

Они пошли догонять уже покинувших площадку товарищей. Вдруг Женька краем глаза заметил какое-то движение чуть в стороне и сзади них. Он быстро повернулся и застыл на месте, схватив Владика за руку: в нескольких шагах от них стоял мальчишка.

Нет, Женька не испугался, хотя мальчишка был необычный. Точнее говоря, это вообще был не мальчик, а...

– Привидение! – прошептал Владик.

Его фигура четко обозначилась на фоне темного бурьяна. Он как бы светился изнутри неярким, но заметным светом. Женька видел его отчетливо. Мальчишка был одет по-летнему, но как-то совсем не современно. Светлая рубашка, короткие темные штаны держались на лямках, высокие ботинки. На одной ноге чулок натянут, а на другой спущен, обнажая большую ссадину на коленке. А ещё на нем был галстук... пионерский галстук...

Мальчишка стоял и смотрел на них. Смотрел внимательно. Женька заметил, как подрагивают его ресницы...

– Привет! Ты кто? – спросил Женька.

Мальчишка не ответил. Он сделал два шага по направлению к ним, поднял руку и показал на что-то. Проследив направление, Женька понял, что странный мальчик показывает на Владика. Вернее на его руку, в которой были зажаты палочки, которыми он только что исполнил сигнал сбора на импровизированном барабане. Мальчик что-то сказал, судя по тому, как зашевелились его губы, но они ничего не расслышали.

– Мы не слышим, – сказал Женька.

Тогда он внимательно посмотрел прямо в глаза Женьке и снова что-то сказал.

– «Вы играли «Сбор» – вдруг отчетливо раздалось в Женькиной голове, хотя слов он по-прежнему не слышал. – «Вы в опасности?»

– Нет, у нас всё в порядке, – ответил Женька.

– «Хорошо. Тогда я ухожу. До свидания!»

Не дожидаясь ответа, мальчик приветливо улыбнулся им и вскинул руку, чуть задержав её на уровне головы в наклонном состоянии, очень похожим на то, как отдают друг другу честь военные. Только военные прикладывают ладонь к козырьку фуражки, а это немножко по-другому. «Пионерский салют!» – догадался Женька. Повернувшись спиной, мальчик сделал несколько шагов и растворился в воздухе.

– Ты всё видел? – глупо спросил Женька.

– Да.

– А... слышал что-нибудь?

– Да. Он мне сказал: «Привет, барабанщик».

– А меня спросил, не в опасности ли мы. Я ответил...

– Это я слышал. Что ещё он сказал?

– Что если у нас всё нормально, он уходит. И ушел.

Они помолчали. Потом Владик произнес:

– Получается, что мы слышали разные слова. Как он говорил с тобой – я не слышал, а как со мной – ты. Почему так?

– Не знаю. Но кто он такой вообще? Он так и не сказал – кто он.

Откуда-то издали донеслись голоса ушедших вперед ребят. Они кричали и звали их.

Женька потянул Владика за собой на тропу. Они быстрым шагом пошли догонять ребят.

– Жень, – негромко позвал Владик, – тебе не кажется, что у нас начинается новое приключение?

Женька сам уже подумал об этом. Он остановился и посмотрел в блестящие задором глаза своего названного младшего брата:

- Кажется.
- Так это же здорово!
- Кому как. Света вряд ли разделит твой восторг.
- А ты?

На прямой вопрос полагается отвечать только прямо. Женька улыбнулся и взъерошил Владькину макушку:

– Отказываться от приключений не полагается, это не по правилам. А ещё мне ужасно хочется выяснить, почему в один день так много совпадений?

– Каких ещё совпадений?

– Днем мы нашли пионерский барабан – раз. Оказалось, что среди нас есть барабанщик (это ты) – два. После твоей игры на «барабане» появился этот... мальчик – три. Он ясно сказал, что пришел услышав сигнал сбора. Два совпадения – ещё куда ни шло, а три – это уже слишком. Что-то здесь иное, пока не совсем понятное. Кажется, мы сами того не зная набрали ещё на какой-то э – э – э... узелок...

– Что ещё за узелок?

– Ну, перекресток. Это когда наши дороги перекрещиваются с дорогами других. Как наши с тобой. Или наши и этого... мальчика, например.

Впереди уже слышны были голоса ушедших ребят. Владик вдруг остановился и дернул Женьку за руку:

– Давай пока Свете ничего не скажем, – предложил он.

– Вряд ли это получится, она всё равно обо всём узнает.

– Ну, пока не скажем... На всякий случай...

– Ладно, конспиратор, там видно будет. Но учти, если она узнает, что мы как заговорщики что-то скрываем от неё – нам придется несладко!

Владик хитро посмотрел на Женьку и губы его растянулись в заговорщической улыбке:

– У братьев могут быть свои секреты, которые они не доверяют даже самым лучшим сестрам.

– Ой, смотри! Превратит она тебя в какую-нибудь лягушку!

– Что ж, тогда поквакаем немножко...

Смеясь, они вышли к ожидавшим их товарищам, но причину своей веселости никому не раскрыли.

4. Мальчишка на старой фотографии

– Перекур, братцы-кролики! – скомандовал физрук четверем мальчишкам, красящим с усердием Тома Сойера стены будущего тира светлой вододисперсионной краской.

Мальчишки в длинных, до самого пола взрослых рабочих халатах с закатанными рукавами (чтобы не измазаться в краске), сложили кисти в специальное ведерко с водой.

– Пацаны, – сказал один мальчишка из параллельного класса. – У кого есть спички? Угощаю сигаретой.

– Глухарев! – тут же среагировал учитель. – Не понял, что за разговоры?

Спрашивавший про спички мальчишка снял с головы шапку из старой газеты и непонимающе уставился на учителя:

– Так Вы же сами перекур объявили. А я спички дома оставил.

По хитрым глазам мальчишки было видно, что это простая шутка, но Леонид Владимирович не сразу понял это.

– Я тебе такой «перекур» покажу, что навсегда об этой гадости забудешь! – он погрозил Глухареву кулаком. – «Перекур» – это в смысле перерыв, понятно? Тому, кто не понял, напоминаю о вреде курения, куче всяких болячек и преждевременном отходе в мир иной.

– Теперь понятно, – сокрушенно вздохнул Глухарев. – А я подумал...

Договорить до конца он не успел – остальные мальчишки не удержались от смеха. Учитель посмотрел на них и тоже улыбнулся, поняв, что попался на шутку:

– Свинтусы вы всё-таки! Издеваетесь над старым человеком.

Смех мальчишек от этого только усилился. Это Леонид-то Владимирович «старый человек»? Смешнее ничего сказать было нельзя. В школе, наверное, не было ни одного человека, кто бы не следил за развитием романа учителя физкультуры и школьной медсестры. А у девчонок это была вообще самая любимая тема для разговоров.

– Вообще-то, ребята, – посмотрел физрук на часы. – Не перерыв даже, а конец вашей сегодняшней работе. До начала уроков осталось всего-ничего, так что умывайтесь, почиститесь, если надо, и на занятия. И спасибо за работу!

Женька снял рабочий халат и, осмотрев свой костюм, остался довольным: ему удалось не испачкаться в краске. Только маленькая капелька попала на его ботинок, но он быстро стер её кусочком смоченной в воде тряпки. Вымыв лицо и руки, вернулся в бывшую кладовую, где в это время учитель прикреплял дополнительный светильник к потолку.

– Леонид Владимирович, а где вещи, что мы сложили вон в том углу? – спросил он, показывая на полупустой угол.

– Какие? А! Пионерские! А зачем они тебе?

– Вы же сами говорили, что интересно будет почитать, как там раньше было жить в нашей школе.

– Вот ты о чем! А я подумал, что ты про горн и барабаны спрашиваешь.

Про барабаны Женьке тоже было интересно узнать, ведь всё началось именно с их находки. Все прошедшие субботу и воскресенье, а также и вчерашний день, понедельник, его мысли то и дело возвращались к трем совпадениям. Он чувствовал, что всё это произошло неспроста. Особенно появление того мальчика, так похожего и не похожего одновременно на привидение. А чем чаще он вспоминал про него, тем больше ему хотелось разгадать очередную тайну, которую судьба неожиданно подкинула им.

Про свою встречу с необычным пионером они с Владиком никому не рассказывали. Чуть подумав над Владыкиным предложением, Женька согласился с тем, что пока не стоит посвящать в это дело никого. Правда, его немножко грызла совесть – товарищи всё-таки! Однако с другой стороны он сумел убедить себя в том, что рассказать им всё можно будет в любой

момент, а сейчас излишняя суета может только навредить поискам. Что и как они с Владиком будут искать он ещё сам не знал, но что искать придется не сомневался. С чего начать? Женька не придумал ничего лучшего, как попробовать потянуть за ниточку с самого начала, то есть оттуда, откуда всё началось. Началось всё здесь, в этой комнате, поэтому и тянуть эту ниточку надо отсюда. Вдруг удача улыбнется сразу?

– Про барабаны тоже интересно, – сказал он учителю. – Раньше я таких не видел. Но больше мне интересно узнать всё вообще.

– Это как так «вообще»? – физрук посмотрел на него с высоты стремянки.

– Ну, вообще – это значит, что... что мы же ничего не знаем... вообще...

Он смутился, запутавшись в своих же словах, и замолчал.

– Что-то ты, брат, слишком заумно выражаешься. Проще нельзя? Про пионеров хочешь узнать, что ли?

– Ага! Про них! – обрадовался Женька неожиданной подсказке. – Я их только в старых кино и видел, да ещё в «Ералаше». А вот так чтобы... больше узнать, так это негде.

– Больше, значит, узнать хочешь?

– Хочу.

– А зачем? Пионеров-то больше нет.

– Ну... так просто...

Леонид Владимирович ввернул последний шуруп в светильник и попросил Женьку подать ему лампочку. Поискав, он нашел и подал её учителю. Тот ввернул лампочку в патрон и закрыл её толстым стеклянным плафоном.

– Ну—ка, щелкни выключателем, – попросил он. – Не старым, а новым.

Женька щелкнул, лампочка послушно загорелась.

– Порядок! – удовлетворенно произнес учитель. – Ещё парочку поставим и промахнуться при таком освещении даже слепой не сможет.

Он слез со стремянки и перетащил её в другое место. Взял следующее крепление и полез наверх, но с полпути вернулся к Женьке.

– Как твое плечо? Не беспокоит с тех пор?

– Если бы не шрам, то даже вспомнить было бы нечего! – улыбнулся Женька. – Это вам не укус оборотня...

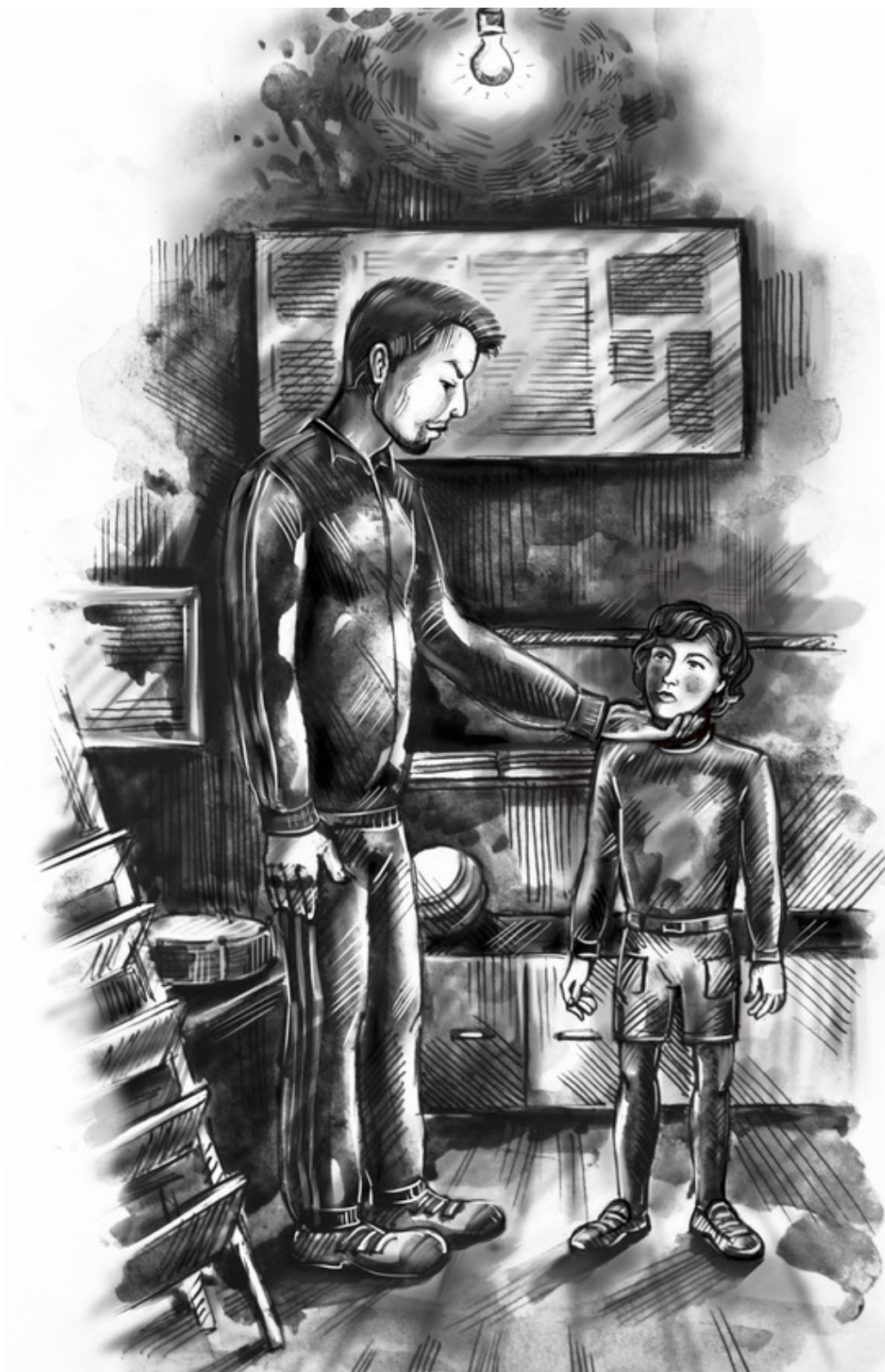
Он прикусил язык, поняв, что ляпнул лишнего: про оборотня Тихона не знал никто, кроме их маленькой команды. Но физрук не пропустил его слова мимо своих ушей. Он взял Женьку за подбородок и пристально посмотрел ему прямо в глаза:

– Что ещё за оборотень?

– Да это... мы шутим так... в своей компании... Если бы в том Гансе было бы что-то от оборотня, то он не бросился бы на меня с кинжалом, а применил бы свои зубы... вот... Тогда бы я этим шрамом не отделался...

В глазах учителя ясно читалось сомнение. Он ещё целую долгую минуту пристально разглядывал Женьку, потом задумчиво произнес:

– Конечно шутка, как я сразу не догадался, – он отпустил Женькин подбородок и уже обычным голосом сказал: – Ты тогда всех здорово удивил. А как сейчас? Тренируетесь, наверное, потихоньку? Я заметил, что вы своей маленькой компанией частенько собираетесь. И ещё один мальчишка из младших к вам часто пристраивается. Надеюсь, что вы специально не ищите новых приключений подобных летнему?

– СПЕЦИАЛЬНО не ищем, – сделал чуть заметное ударение на первом слове, честно сказал Женька.

Это была чистая правда. Они специально ничего не искали, просто приключения сами их находили.

– Ну и ладошки! Так что ты хотел узнать?

– Вы ещё не смотрели эти... бумаги?

– Пока мне не до них. Может быть во время осенних каникул время будет, тогда и поко-
выряюсь в этом архиве.

– У-у-у... я думал, вы уже...

– «Уже»! Больно ты быстрый! Можно подумать, что у меня других дел нет. Это ты только
половину дня занимаешься, а вторую можешь делать что угодно. Поменяться местами не жела-
ешь, случайно?

– Это как?

– Ты будешь учителем, а я с превеликим удовольствием займу твое место. Согласен?
Женька оценил шутку по достоинству.

– Нет, не хочу!

– Что же так? Взрослым станешь, на уроки ходить не надо будет!

– Взрослым я итак стану, а вот обратно потом – фигушки! Так что я лучше пока маль-
чиком останусь... подольше!

– Жалко! Я бы поменялся, – он улыбнулся и притворно вздохнул. – Так что ты хотел
узнать?

А как сказать? Напрямую про загадочного мальчика спросить нельзя. Женька растерялся,
но быстро справился с волнением и сказал первое, что пришло ему в голову:

– Ну, какие они были?

– Какие? – удивился учитель его вопросу. – Да самые обычные ребята. Вот как ты, напри-
мер, или твои приятели. Обыкновенные мальчишки и девчонки. Если тебе сейчас повязать
красный галстук, ты ничем от них отличиться не будешь.

Женька недоверчиво посмотрел на учителя:

– А я слышал, что они были очень... – он замялся, не зная как продолжить. – Очень
правильными, говорят, и ещё это... политизированными...

– Ну и словечки ты нашел! «Политизированные»! Впрочем, отчасти это правда. Всё госу-
дарство наше в то время строилось на политике противоречащей западной идеологии. Пио-
нерскую организацию это тоже не обошло, но знаешь что?

– Что?

– Ребята, мальчишки и девчонки, при любом государственном строе остаются всего лишь
ребятами, какую бы политическую платформу не впихивали в их головы. Так же шалили
и хулиганили, как и вы сейчас. Думаешь, мы не издевались как могли над учителями? Ого-
го! Нашим учителям иногда здорово доставалось из-за наших проделок! Только учти: я тебе
этого не говорил!

– А Вы что, тоже были пионером?

– Конечно! Пионеров распустили не так уж и много лет назад.

Женьке даже в голову не могло прийти, что молодой учитель сам мог в детстве носить
красный галстук. Ему казалось, что пионеры были когда-то очень и очень давно.

– Честно? – не поверил он.

– Честное пионерское! – серьезно сказал учитель и так же как тот мальчик на пустыре
вскинул вверх руку. – Мы были точно такими же хулига... э – э – э... непоседливыми, как
и вы сейчас.

– А чем вы занимались?

– Ну, много чем! И кнопки учителям подкладывали и...

– Да я не про это. В отряде своем чем занимались?

– Ах вот ты о чем! Сборы у нас были разные, костры... песни пели. Да много чего было:
и металлолом собирали, и макулатуру, и старикам помогали. Обо всем сразу и не расскажешь.
Иногда, конечно, не интересно было, но чаще всего наоборот – с удовольствием в разных меро-
приятиях участие принимали, – в голосе учителя послышались какие-то мечтательные нотки. –
Хорошее было время скажу я тебе. Мне уже почти четырнадцать лет было, когда пионеров

отменили. Нас до этого заставляли обязательно в школу в галстуках приходить, а многие уже считали, что в таком возрасте носить пионерский галстук как-то зазорно. Всякими правдами старались приходить без него. И вот однажды объявляют, что теперь в галстуках ходить не надо совсем, и что отряд распущен!

– И что?

– У нас все до одного мальчишки на следующий день явились на уроки в пионерской форме! Учителя были в шоке! И потом ещё долго так ходили.

– Почему?

– Почему? – голос Леонида Владимировича стал серьезным. – Да потому, что они без нас всё за нас решили! Это был своего рода протест. Наверное, мы хотели этим показать, что сами в состоянии выбрать – что нам по душе, а что нет. Вот так-то, брат-Женька! Если хочешь знать мое частное мнение – пионерскую организацию распустили напрасно, вот теперь и удивляются все: откуда такой рост детской преступности?! А концы, или, вернее, начало, этого вопроса, по-моему, как раз там и находятся, в том году, когда приняли это необдуманное решение.

Кажется, что учитель сказал совсем немного. Но если чуточку подумать, то перед глазами Женьки встало огромное море того, чем занимались его сверстники всего каких-то двадцать с небольшим лет назад. Он пожалел, что никто из учителей никогда не рассказывал им о пионерах. Вместо этого в школу несколько раз приходили какие-то люди и ребята с ними. На груди у ребят были разноцветные галстуки: у кого синие, у кого трехцветные, как Государственный Флаг. Они представляли разные скаутские организации и предлагали всем желающим вступить в них. Рассказывали про всякие походы, костры. Но доверия лично у Женьки они не вызывали по одной простой причине: они почему-то называли себя волчатами и в качестве своего клича выбрали волчий вой. Ему это было не только неприятно, но и противно. Волчонком становиться он не желал. Наверное, то же самое думали большинство ребят в его классе, потому что ни один из них не соблазнился скаутскими прелестями и в такие отряды вступать не собирался.

Леонид Владимирович замолчал, опять внимательно посмотрел на Женьку, словно у него возникло какое-то подозрение. Женька тоже молчал, обдумывая услышанное.

– Послушай-ка, дружок. Что-то у меня сомнения возникают: почему в тебе проснулся интерес к этому вопросу? Современные мальчишки интересуются компьютерами, а не пионерами. Вы со своей компанией случайно не влипли ещё в какую-нибудь историю?

– Да нет, – улыбнулся Женька. – Они даже и не знают, что я... что мне интересно про пионеров узнать больше. Честное слово.

– Всё же, сдаётся мне, что неспроста этот твой интерес. Но, если не хочешь говорить – не говори, и если что – ты знаешь, я всегда помогу по мере своих сил и возможностей.

Женька снова открыто улыбнулся прямо в лицо учителю:

– Я думаю, всё обойдётся. На этот раз на горизонте нет никаких недобитых Кугелей, – и повторил ещё раз для убедительности: – Честное слово.

– Верю! Все вещи и часть архива я перенес в свою комнату в спортзале. То что осталось здесь просто не успел. Хочешь больше узнать – покопайся в бумагах сам. Пыли не боишься?

– Не боюсь.

– Можешь начать прямо здесь, – учитель показал на сложенные в углу стопки бумаг. Потом я их тоже перенесу. Ты можешь приходить и заниматься своими архивными раскопками сколько угодно. Хочешь один, хочешь с друзьями. Кто знает, может быть там найдутся ответы на твои вопросы. Только костюм свой не испачкай – пыль на черном очень заметна и на уроки не опоздай.

– Спасибо, – обрадовался Женька. – Я аккуратен.

Стопка перевязанных шпагатом покоящихся в углу комнаты бумаг по высоте доходила Женьке до пояса. Он взял верхнюю пачку и, сдув пыль и распутав узел шпагата, принялся

просматривать бумаги. Это были какие-то планы и отчеты. На большинстве из них стояли даты, относящиеся к 1974 году. В планах и отчетах мало интересного, поэтому много времени у Женьки просмотр первой пачки не занял. Осмотрев последний листок, он сложил всё в стопку и снова связал бумаги шпагатом. Взял вторую пачку, затем третью – пока ничего интересного не попадалось.

В четвертой пачке обнаружилась бумажная папка, раскрыв которую Женька оживился – в ней оказались фотографии. Не цветные, какие сейчас сделать не составляет труда никому, а черно-белые. Некоторые из них даже пожелтели от времени. Он с интересом принялся рассматривать их.

Большинство фотографий представляли из себя групповые снимки ребят в самых разных местах. На первой мальчишки и девчонки сидели вокруг большого костра с веселыми и довольными лицами. «Шестой „Б“ в походе. 1979 год» – гласила надпись на обратной стороне снимка. На другом ребята помладше окружили какого-то представительного вида мужчину. «4 „А“ на встрече с писателем Виноградовым, 1972 г.» – прочел пояснения Женька. А вот большой снимок, на котором стояли в строю много ребят. Присмотревшись внимательнее, Женька узнал спортивный зал их школы. Все дети были одеты празднично: в белых рубашках с галстуками, на головах пилотки, девочки в юбочках, а мальчишки в шортах и белых гольфах. Стояли они по классам, и перед каждым стоял мальчишка, держа в руках небольших размеров флаг. Рядом с ним обязательно стоял другой мальчишка – с барабаном. Перед одним классом с барабаном стояла девочка. «Праздничная линейка. Май 1972 года».

– Метёлкин, ты про уроки не забыл? – спросил вдруг учитель.

– Ой! А сколько времени?

– Звонок на урок прозвенит... – Леонид Владимирович посмотрел на часы. – Через шесть минут.

Пора было бежать в класс. Женька засуетился, стряхивая с одежды попавшую-таки на неё пыль. С сожалением закрыл папку с фотографиями. Чутьочку помедлил и спросил:

– Можно я эту папку с собой возьму?

– А что в ней?

– Фотографии разные. Я не потеряю.

– Возьми, – разрешил физрук. – Только на уроках не отвлекайся, иначе нам обоим влетит.

– Нет, не буду. Мы после уроков с ребятами посмотрим, а завтра всё вернем в целостности и сохранности.

– Договорились! Беги давай на урок.

– До свидания! – уже выбегая за дверь крикнул Женька.

Леонид Владимирович посмотрел на закрывшуюся дверь и задумчиво покачал головой. Зная о Женьке и его компании чуть больше других учителей, о их необычных возможностях, проявившихся в летнем походе, он усомнился в том, что проснувшийся вдруг у Метелкина интерес к пионерам не имеет под собой никакого основания. Что-то явно дало толчок его любопытству. Вот только что? Так и не найдя этому объяснения, он решил внимательнее понаблюдать за ребятами в ближайшее время.

Папку с фотографиями Женька засунул в свою сумку и честно не прикасался к ней за всё время уроков. Только на перемене сказал о найденных старых фотках товарищам, они тоже заинтересовались ими. Решили, что посмотрят после школы, а соберутся для этого у Коли Березкина. Не забыли и про Владика, которому тоже будет интересно посмотреть на Женькину находку.

Расположились прямо на полу, чтобы не тесниться за небольшим столом. Поочередно брали фотографии из папки и разглядывали их. Большая часть их была похожими на те, что

Женька успел посмотреть ещё в школе. Все они отражали какие-то события из школьной, точнее говоря – из пионерской жизни. Но попадались и такие, на которых были сняты отдельные мальчики или девочки. По-всякому – и в полный рост и по пояс. В полный рост обычно ребята были сфотографированы на фоне Знамени. За их спинами ясно читался пионерский девиз, вышитый на его полотнище: «Будь готов!» Все ребята на таких фотографиях были в парадной одежде и удивительно серьезные.

– Наверное, это такое поощрение раньше было, – предположил Павлик. – Как у военных. Папа рассказывал, что для солдат есть такой вид поощрения – награждение личной фотокарточкой, снятой на фоне развернутого Боевого Знамени части.

Но были и другие – веселые, где ребята смеялись и улыбались. Порой фотокамера ловила в свой объектив такие моменты, которые нельзя было снять, если бы попытаться сделать это преднамеренно. Такие фотографии были самыми интересными, потому что без всяких прикрас показывали, какими были их сверстники много лет назад. Женьке вспомнились слова Леонида Владимировича, когда он на его вопрос ответил, что они были точно такими же, как и сегодняшние мальчишки и девчонки. Разглядывая один за другим целую пачку таких фотографий, Женька понял, что учитель сказал это не просто так, а искренне.

Большинство фотографий в папке относились к периоду с середины пятидесятых до конца восьмидесятых годов, о чем говорили надписи на обратной стороне. Те, что были более старыми – пожелтели, надписи на них не всегда можно было прочитать до конца, но смотреть всё равно было интересно.

– Мальчики, а ведь это действительно самый настоящий архив, – сказала Света, рассматривая очередной снимок. – Здесь история школы в фотографиях. Леонид Владимирович правильно сделал, что не разрешил их выбросить.

– Правильно, история, но не полная. Все знают, что школа у нас очень старая. Говорят, что в ней ещё при царе была гимназия, – возразил Петя.

– Нет, не гимназия, а какое-то училище, – поправил его брат. – Кажется оно называлось «реальное училище» или что-то в этом роде.

– А разве были ещё и нереальные училища? – поинтересовался Владик.

– Откуда я знаю? – пожал плечами Павлик. – Кто его знает, что тогда было, а чего не было. И вообще, не умничай больно!

– Да я так просто, – хихикнул Владька. – Школьник или гимназист – это понятно. Ученик реального училища – уже не совсем понятно. А если бы тебя называли так: ученик нереального училища Павел Савушкин! Это как понять?

Все прыснули смехом, представив себе то, что сказал Владик.

– В наше время можно было бы сказать «Ученица нереальной школы Светлана Казакова»! Здорово, да?! – покосился на Свету Женька.

– Сам ты нереальный! – не осталась она в долгу под новую волну смеха. – А в самом деле было бы здорово, если бы у нас в школе был свой небольшой музей, чтобы каждый мог туда прийти и посмотреть фотографии или ещё какие экспонаты.

– Например, пионерский барабан! – подхватил Владик.

– И барабан тоже, – кивнула Света.

Да, идея неплохая. Только вот вряд ли она осуществимая. Никому сейчас не захочется вваливать на свои плечи новые хлопоты. Это тоже было всем понятно. Ребята вообще удивлялись, что в школе разрешили сделать стрелковый кружок и тир.

– Как думаете, почему нет фотографий ещё более старых? – спросил Березкин.

– Вон их сколько, совсем желтых!

– Уточняю: более ранних по времени.

– Кто его знает? Может, фотоаппарата не было или испортились от долгого хранения, – предположил Женька. – Я слышал, что фотографии со временем как-то выцветают и на них

трудно что-то разобрать. Сейчас их можно восстановить с помощью компьютеров, но раньше этого не умели. Лет тридцать назад компьютеров не было.

– Были, – сказал Березкин, – Только они были очень большими. Например, с эту комнату или ещё больше. Я читал немножко об истории компьютеров. Но эти огромные ящики не были такими умными, какой сейчас можно встретить в квартире или в офисе любой фирмы.

Фотографии переходили из рук в руки, разговор тихонько продолжался. Женька не сразу заметил, что Владик вдруг перестал то и дело вставлять свои замечания. Скосив глаза на него (он лежал на животе рядом с ним), заметил, что тот как-то слишком внимательно разглядывает одну очень старую фотографию. Даже прищурился. Лицо его было таким, словно он пытался что-то вспомнить или кого-то узнать. Он даже перестал болтать в воздухе ногами – так заинтересовало его то, что он разглядывал.

Непонятно откуда и почему внутри Женьки появилось какое-то непонятное волнение. Чуть-чуть быстрее забилось сердце. Он протянул руку и молча взял у Владика фотографию.

Это был очень старый снимок. Не начала пятидесятых годов, какие попадались уже в папке, а гораздо старше. Изображение очень сильно пострадало от времени. Фотография не только выцвела, но и была вся какая-то потрескавшаяся, края разломачены и надорваны.

Женька присмотрелся. Ничего особенного на первый взгляд не было заметно. Десятка полтора мальчишек и девчонок с галстуками на груди. В центре группы молодой парень лет двадцати, но тоже с галстуком. Снимок сделан, видимо, осенью, потому что ветви кустарника в стороне от стоявшей группы ребят наполовину были голыми. Скорее всего сентябрь, так как некоторые мальчишки были в коротких штанах и в рубашках с короткими рукавами. В центре группы, рядом со взрослым парнем, наверное вожатым, стоял мальчишка с барабаном. Ничего особенного, если не брать во внимание, что фотография очень старая. Взглянув на обратную сторону, Женька не нашел никакой надписи.

– Посмотри внимательно! – прошептал ему на ухо Владик.

Женька снова стал рассматривать снимок. Хотя он и пострадал от времени, но разобрать можно было почти всё. У одной девочки на щеке отчетливо видна родинка. А у стоящего рядом с ней мальчишки на затылке торчком стоял непокорный вихор. У барабанщика в руках ясно видны тоненькие барабанные палочки. Один шнурок на его ботинках развязался, а на чулках даже видны рубчики чулочной ткани. Лицо его сияло счастливой улыбкой. Стоп! Какие-то знакомые черты мелькнули перед Женькиными глазами. Он замер... Неужели...

– Ты понял? – снова зашептал в самое ухо Владик. – Барабанщик! Это же он, тот самый мальчик!

– Не-ет... – недоверчиво помотал головой Женька. – Так не бывает...

– Значит бывает! – горячий шепот Владьки прямо в ухо. – Это он!

Теперь и Женька уже это понял. То же лицо, та же улыбка... Даже короткие штаны с лямками через плечи такие же. Но главное – это его улыбка. Она такая... такая... запоминающаяся... Он очень хорошо помнил, как улыбнулся и вскинул руку в салюте этот мальчишка. Там, на полутемном пустыре. Сомнений у него не осталось: барабанщик на фотографии и их неожиданный гость – одно и то же лицо.

– Да, кажется, это он, – прошептал Женька.

– Точно он! Чтоб мне провалиться!

– Чего это вы там шепчетесь? – спросил Петька. – Нашли что-то интересное?

– Наверное, это самая старая фотография из всех, – передавая её Петьке, сказал Женька. – С ней надо осторожнее обращаться.

Фотография обошла всех ребят. Света задержала её дольше остальных. Она внимательно всё рассмотрела и согласилась с Женькой.

– Да, – сказала она. – Судя по всему это очень старая фотография. Скорее всего она сделана ещё до начала войны, в сороковых или тридцатых годах. А может и раньше.

– Так уж и в тридцатых! – с сомнением возразил Павлик. – С чего это ты так решила?

– Да, почему ты так думаешь? – заинтересовался и Березкин.

– Элементарно, Ватсон! – словами Шерлока Холмса ответила Света, бросив на мальчишек снисходительный взгляд. – По внешнему виду! По одежде! Это только вам, бестолковым, не ясно, что одежда – это отражение своего времени. Но что с вас, мальчишек, взять? Любой же девочке сразу понятно станет, стоит только взглянуть повнимательнее. Такие платья и штаны носили лет семьдесят или восемьдесят назад. Правда, в пятидесятых или шестидесятых подобные вещи тоже были модными (мода, как известно, развивается по спирали), но судя по фотографии, если её сравнить с другими старыми, то даже жирафу станет понятно, что она гораздо старше. Отсюда простой вывод: примерно тридцатые годы.

– Откуда ты можешь знать, какая мода была в тридцатых годах? – не поверил Павлик.

– Потому что я, в отличие от некоторых, не только детективы читаю, но и разные другие книжки.

– С женщинами лучше не спорить, – сказал, улыбнувшись, Женька. – В любом случае останешься дураком.

– Почему это в любом? – возмутился Пашка. – А если я прав буду?

– Все равно в дураках останешься.

– Но почему?

– Если женщина права, то ты в её глазах выглядишь круглым дураком...

– А если всё же она не права?

– Тем более она будет считать тебя вдвойне дураком, потому что ты пытался убедить её в том, что она не права. А самое интересное знаешь что?

– Что?

– Она всё равно останется при своем мнении! Даже если ты будешь прав! Именно по этой причине я уже давно перестал спорить со Светкой...

– Дурак! – под общий смех выкрикнула Светка, и относилось это уже не к Павлику, а к Женьке.

– Ну вот видишь? А я о чем только что говорил? Всё равно я дураком остался...

Она подскочила к Женьке с намерением надавать ему по шее. Он перевернулся на спину и хохоча отбивался от её нападков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.